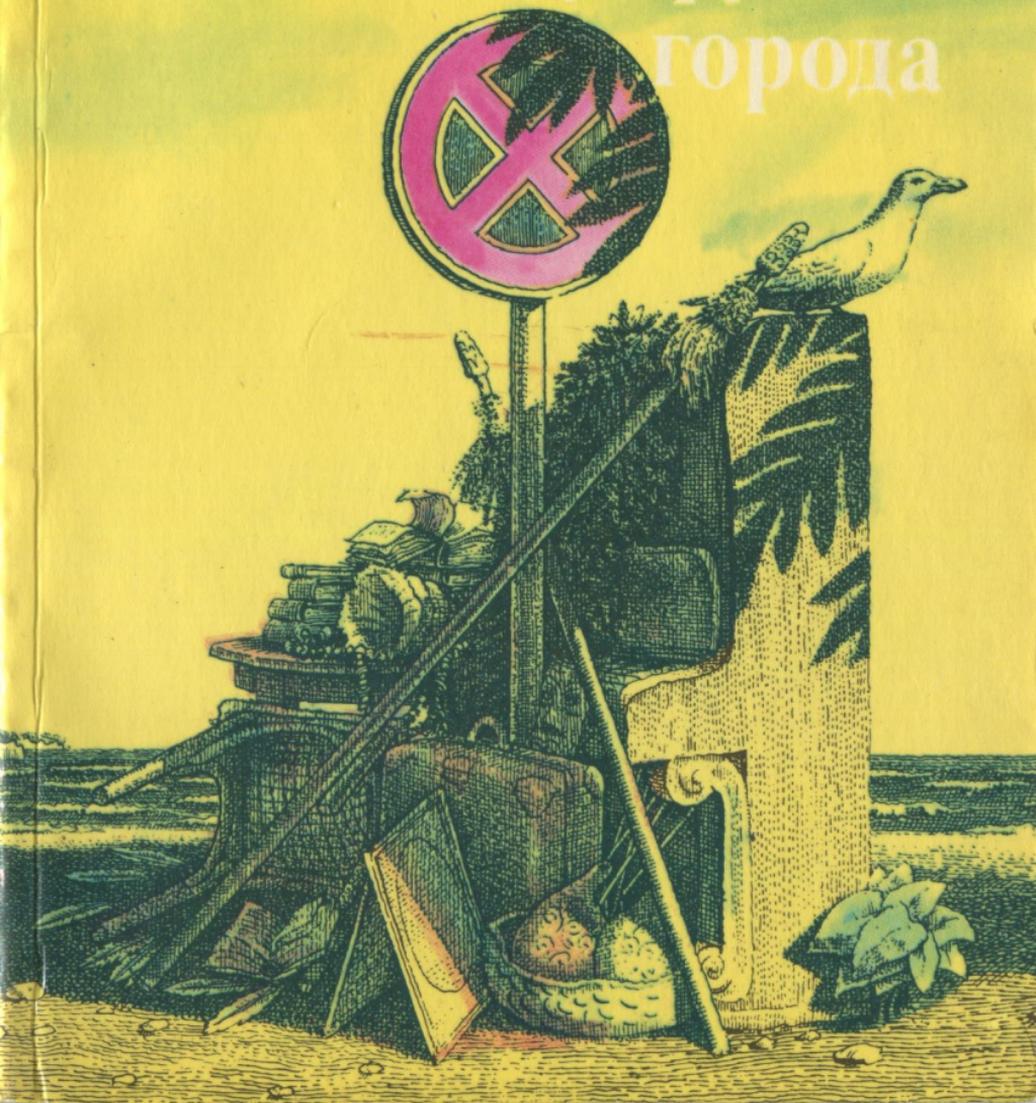

И
Л

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Вити
Ихимаэра

В поисках
Изумрудного
города

Witi Ihimaera

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Вити Ихимаэра

В поисках Изумрудного города

Рассказы

*Перевод с английского
и составление И. Багрова*

Предисловие А. Петриковской

Москва
«Известия»
1982

И (НвЗ)
И 95

Главный редактор Н. Т. Федоренко

Ихимаэра В.

И95 В поисках Изумрудного города / Пер. с англ. и сост. И. Багрова. Предисл. А. Петриковской — М.: Известия, 1982. 128 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Рассказы новозеландского писателя посвящены жизни коренного населения страны — маори, ставшего жертвой колониального господства. Ихимаэра повествует об истории и культуре маори, об их стремлении найти свое место в мире, быстро меняющемся под натиском западной цивилизации.

И $\frac{4703000000-040}{074(02) -82}$ 718-82

**ББК 83НвЗ
И(НвЗ)**

© Witi Ihimaera

С Перевод на русский язык, предисловие, составление издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1982.

Мир маори

В музее Окленда, самого большого города Новой Зеландии, стоит старинное, украшенное резьбой каноэ, рассчитанное на десятки гребцов. Вероятно, на таких же или похожих судах, сделанных на диво искусно и прочно, приплыли к этим берегам в XIV веке предки полинезийского населения Новой Зеландии — маори. О легендарном прошлом напоминают и маорийские общинные дома — чудо традиционного искусства: в красновато-коричневых деревянных скульптурах прародителей, в причудливых барельефах, инкрустированных перламутром, в резных панелях и рисованных орнаментах, исполненных значения, запечатлена история племен. Но мир сегодняшних маори не музейная, а живая жизнь четверти миллиона человек, в подавляющем большинстве — «коричневого рабочего класса». И хотя в творчестве маорийского писателя Вити Ихимаэры историческому прошлому отведено очень важное место, печется он о настоящем и будущем своего народа.

Литературный дебют Ихимаэры был успешным. Сборник его рассказов «Поунаму, поунаму» (1972) переиздавался из года в год. Книга подкупала искренностью, теплотой, юмором, той достоверностью, которую невозможно приобрести — она рождается из органической сопричастности автора взятому им жизненному материалу. К тому же «Поунаму, поунаму» был первым сборником рассказов, написанным маори, а роман «Танги» (1973) — первым романом.

Маори вошли в литературу в 60—70-е годы. Разумеется, хронологическая граница здесь не может быть жесткой. Уже в конце 40-х годов публиковал свои стихи Алистер Те Арики Кемпбелл, в чьих жилах смешалась полинезийская и шотландская кровь; в лирике природы он — поэт романтической традиции, обращавшийся также к сюжетам из маорийской истории. Но лишь в последней трети XX века творчество маори стало заметным явлением новозеландской литературы, внесло существенный корректив в ее национальный характер. Теперь речь идет не об отдельных исключениях, выдвинулся целый ряд маорийских поэтов: Хоне Туваре, Роули Хабиб, молодые Апирана

Тейлор и Хааре Вильямс — и прозаиков, среди которых завоевали признание Вити Ихимаэра и Патриция Грейс. Пишут маори на английском, а иногда и на английском, и на маорийском языках. В 70-е годы было создано Общество маорийских писателей и художников, которое издает свой журнал — «Кору».

Почему приток маори в литературу начался в течение двух последних десятилетий, а не ранее, скажем в предвоенные годы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать, как складывалась историческая судьба маорийских племен. Колонизация англичанами Новой Зеландии в XIX веке лишила обитателей и бывших хозяев Аотеароа — Страны длинного белого облака — большей части земель. Обескровленные в длительных войнах с захватчиками, они, казалось, были обречены на вымирание, но выстояли, с поразительным упорством сопротивляясь колониальному гнету, включились в систему капиталистической экономики, сплотились в более развитую этническую общность. «Невозможно овладеть незнакомыми орудиями труда быстрее, чем это сделали маори, которым понадобился, в сущности, один шаг, чтобы перейти из каменного века в век машин», — пишет известный новозеландский очеркист М. Холкрофт*. После второй мировой войны начался новый этап маорийского движения — маори активно борются за реальное осуществление своих гражданских прав, за свои земельные права, искоренение расовой дискриминации и подъем жизненного уровня.

Формально маори равноправны с англоновозеландцами, пакеха. Нет дискриминационного законодательства, нет сегрегации. Однако положение маори — одна из жгучих проблем новозеландской действительности. Как заметил один из новозеландских писателей, расовые (на деле — социально-расовые) взаимоотношения далеко не гармоничны: это — «бумажные деньги», а «полновесную монету еще нужно отчеканить». «Так же как я убежден, что маори отнюдь не всегда являют собой образец добродетелей, я убежден и в том, что они обездолены

* М. Н. Holcroft. New Zealand, Wellington, 1968, p. 26.

на собственной земле», — признает епископ Окленда Пол Ривз*. В маорийском движении протеста есть разные оттенки — от националистического экстремизма и разрушительного бунтарства до целенаправленной борьбы на интернационалистской основе. В целом же оно вызвано реально существующим экономическим и социальным неравенством, неравенством реальных возможностей.

Творческая (как и политическая) активизация маори — одно из звеньев всемирного процесса высвобождения сил народов, скованных колониализмом. Глубокие социально-политические и этнокультурные изменения происходят в самой Океании. Деколонизация и образование независимых государств — Папуа — Новой Гвинеи, Тонга, Фиджи, Западного Самоа и других, борьба за ликвидацию культурной отсталости, рост национального самосознания и повышение интереса к народному искусству, ремеслам, обычаям, переход к современным формам художественной культуры — все это не могло не повлиять на духовную жизнь аборигенов Австралии и Новой Зеландии — народов, оказавшихся в положении национальных меньшинств на земле предков. Первых маорийских писателей, при всех индивидуальных различиях, объединяет общая озабоченность судьбами своего народа, их творчество — его самооткрытие и самоутверждение.

Вити Ихимаэра задумал свои рассказы и романы как части многотомного цикла со сквозными сюжетными линиями, с постоянным кругом персонажей — родственников и земляков. «Поунаму, поунаму» вместе с романами «Танги» и «Ванау» (1974) входит в трилогию сельской жизни, а сборник «Новая сеть идет на ловлю» (1977) открывает еще не завершенную трилогию жизни городской. Из двух упомянутых сборников взяты рассказы, предложенные вниманию читателей**.

* He Matapuna. A Source. Wellington, 1979, p. 13.

** Ряд рассказов из сборника «Поунаму, поунаму» был опубликован в переводе И. Багрова в журнале «Иностранная литература», 1977, № 9 и в сборнике «Новые рассказы Южных морей» / Москва, «Прогресс», 1980/. Роман «Ванау» в переводе К. Федоровой вышел в изд-ве «Прогресс» в 1979 году.

Как это нередко бывает с молодыми писателями, Ихимаэра расходует богатый запас впечатлений детства и юности. Они прошли в маленьком приморском городке Гисборне на Северном острове, там, где капитан Кук впервые ступил на новозеландскую землю, на скромной отцовской ферме, в маорийской деревне, где жила многочисленная родня. Ихимаэра окончил университет в Веллингтоне. Нелишне отметить, что он также учился музыке, притом серьезно. И пусть лицензиат музыки Вити Ихимаэра не осуществил свою великую мечту — написать оперу или симфонию на маорийские темы, для творчества писателя Ихимаэры музыкальная стихия далеко не безразлична. Она подсказывает выразительные средства: рассказ может заканчиваться картиной эпически-торжественной, словно оперный финал, восклицательные повторы нагнетают чувство скорби, как в народной песне; она помогает выразить доминирующее в произведениях маорийского прозаика лирическое, эмоциональное начало. Интересно, что Ихимаэре близок веризм — реалистическое направление в итальянской литературе, которое ярко проявилось также в музыке, в любимом писателем оперном искусстве, и воспроизводило в реалиях быта и местного колорита народную жизнь и гибнущую под напором капитализма патриархальность.

В то же время Ихимаэра кинематографичен — в лаконичной выразительности, зримости сцен, в монтаже разновременных «кадров» и точно угаданных динамичных диалогах.

Вити Ихимаэру глубоко волнует проблема сохранения маорийского культурно-исторического наследия — материального, духовного, этического, того, что подразумевается понятием «маоританга» («маорийство»). Вместе с разрушением сельской общины и массовым переселением маори в города ослабляются и утрачиваются семейные и родственные связи, общинный морально-этический кодекс «арохи» — любви, уважения, взаимопомощи и взаимответственности — попирается индивидуалистическим принципом «каждый сам за себя». Свой писательский труд Ихимаэра рассматривает как культурную миссию, цель которой — заставить маори с гордостью осознавать себя таковыми, спасти маоританга от гибели.

Поунаму — зеленый камень, нефрит, некогда чрезвычайно высоко ценимый маори, — из него вырезали украшения, талисманы, палицы. Великолепный поунаму, сгоревший вместе со старым домом, деревенским «музеем» (рассказ «Старый дом»), — нечто большее, чем одна из родовых реликвий. Это — символ культуры, объятай всепожирающим пламенем. Старик Тама («Родословная») совершает подвиг, восстанавливая рукописную генеалогию рода, уничтоженную тем же пожаром. Он торопится, понимая, что дни его сочтены, и буквально накануне смерти заставляет отвезти себя в дальнюю деревню, чтобы расспросить такого же старца, как он сам, и восполнить последний пробел. Родословная имеет не архивную, а живую ценность: она скрепляет род, обнажает всю глубину его корней, включает бытие индивида, ограниченное жизненными пределами, в бесконечный ряд поколений. И главное, она удостоверяет право первородства, позволяя бросить в лицо меняющемуся миру: «Вот мы, вот наша история, вот наша земля, и все мы — тангата венуа — ее дети». Идею историко-культурной преемственности Ихимаэра воплощает в образах, наглядно показывающих связь поколений. Рядом с маорийскими стариками и старухами, выписанными с особой любовью — хранителями рода, мудрыми, жизнелюбивыми, человечными, — молодые люди, дети, заботливые, понимающие, способные принять эстафету.

Маори расстаются с деревней, чтобы иметь постоянный заработок, дать детям образование получше, приобщиться к влекущей новизной и разнообразием жизни большого города. В городах живет уже свыше половины маорийского населения. Но, пожалуй, Ихимаэра больше акцентирует потери, чем приобретения. Мальчик Матиу («В поисках Изумрудного города»), побежавший попрощаться с коровой Эмерэ, к собственному удивлению, обнаруживает, что уезжать не так приятно, как он думал, хотя едет он в Веллингтон, «Изумрудный город» своей мечты, сказочный город из любимой книжки. У Джимми Херемаиа — университетский диплом («Вдогонку»), но он не умеет говорить на языке маори. Кинги, принятый в кружок университетских снобов — «пестрокрылых стервят-

ников», стыдится своего происхождения («Братья»). Хищническое обращение с природой («Морской конек и риф») также интерпретируется как отход от культуры, бывшей в ладу с природой, поддерживавшей экологическое равновесие.

Если тускло светящийся поунаму излучает тепло маорийской патриархальности, огни большого города ассоциируются с холодным блеском изумруда. Ихимаэра не раз прибегает к укрупнению детали, превращению ее в образ-символ. Так, дорожные знаки, предупреждения и запреты, которые встречаются Матиу на пути в Веллингтон, символизируют трудности вхождения в новую, гораздо более сложную жизнь («Золотая дорога удачи»). Многозначителен и детский вопрос — удастся ли найти дорогу назад. Маорийка, которая боялась ступить на эскалатор, но поборола свой страх, когда задела ее национальную честь, движется в в е р х («Эскалатор»).

Когда Ихимаэра работал над городскими рассказами, он сделал вывод, что безыскусный, лирически-откровенный стиль его прежних книг, где автор и рассказчик часто неразделимы, не вполне пригоден. Потребовалась более обьективированная, «сконструированная» форма, чтобы передать жесткость городской жизни и остроту ее конфликтов, специфических для маори.

На протяжении учебного марафона «школа — университет» Джимми Херемаиа нужно было не просто учиться, но все время догонять своих сверстников, потому что они давно уже начали бег, когда он «выходил на старт», и у них было то, чего он был лишен, — хорошие учителя, домашний достаток, помощь родителей («Вдогонку»). Но таких, как Херемаиа — победителей, счастливых, — мало, им пришлось преодолеть огромные трудности. Гораздо легче соскользнуть на городское дно, как это случилось с Вилли Боем («Я, Озимандиас...»), быть может, случится и с «ребятами с первого этажа» из одноименного рассказа.

Фиксируя стереотипы расистского мышления в критериях, оценках, реакциях людей, Ихимаэра показывает, какими болезненными могут быть даже булавочные уколы — реплика раздосадованного водителя машины или рассуждения домоладельца, не расположенного сдавать квартиру маори. «Я

желал бы, чтобы укреплялось «те манааки» — взаимное уважение, чтобы и маори и пакеха уважали ценности и взгляды другой стороны» — такова позиция писателя*.

Конечно, Вити Ихимаэра идеализирует маорийскую старину — вне поля зрения остаются барьеры, отделявшие родоплеменную знать от простых общинников, вражда между племенами, жестокость иных обычаев. Свобода от угнетения, никем не ущемленная гордость и достоинство — вот что делает доколониальный век «золотым». Наивно полагать, что в условиях развитого капиталистического государства можно возродить общинную этику, основанную на совместной жизни, труде, интересах большой патриархальной семьи. Нам близко тем не менее стремление писателя сохранить коллективистские нравственно-этические принципы, противостоящие разобщенности, отчуждению, эгоизму, обезличиванию человеческих отношений и важные не только для маори — весь мир «стал огромным жилым районом, где требуется — в качестве первейшей необходимости — жить в дружбе».

Вити Ихимаэра — из числа писателей, которым трудно скрыть свои пристрастия. Он умеет делиться переживанием. Читатель, надо полагать, почувствует это, знакомясь с его рассказами — ностальгическими воспоминаниями, драматическими моментами современной жизни, жанровыми зарисовками, окрашенными юмором. Они вводят в мир маори.

А. Петриковская

* J. B. Beston. An Interview with Witi Ihimaera. 'World Literature Written in English', 1977, vol. 16 № 1, p. 122.

В поисках Изумрудного города

Сегодня мы уезжаем!

— Собирайся, Матиу,— кричит отец.— Пора ехать.

Вот это да! Сердце так и выпрыгивает из груди. Хаэрэ ра, прощай ферма, хаэрэ ра, дом. Прощайте навсегда...

Ой, да я же забыл попрощаться с Эмерэ.

— Матиу!— кричит мама вслед.— Куда это ты?

— Пойду попрощаюсь с Эмерэ.

— Смотри не пропадай. И в грязь не лезь, а то задам тебе.

— Хорошо, мам.

Я перелезаю через забор и осторожно ступаю, выбирая, где почище.

— Эмерэ! Эмерэ! Иди сюда!

А, вот она где — пасется на лужайке.

— Тена коэ, Эмерэ, добрый день! Смотри только близко не подходи, а то мне пачкаться нельзя. Я буду по тебе скучать в городе. Жаль, мы не можем взять тебя с собой, ведь коров в городе не держат. Папа говорит, что мы быстро разбогатеем. Ну почему ты меня не слушаешь, глупая ты скотина!

Это я сгоряча сказал. Она лишь мычит в ответ, а мне стыдно.

— Прости меня, Эмерэ. Но по правде говоря, ума-то у тебя маловато. Ну что ж, прощай.

И я целую ее.

— Фу! Ну и грязнуха же ты, Эмерэ!

И я бегу к дому. На ходу поплеываю на руки — нужно стереть пыль с лица и почистить одежду, а то мама заругает. На нее иногда находит.

— Матиу, — зовет отец, — иди-ка помогай грузить вещи.

— Сейчас, папа.

— Ух, ну и ящик — не поднять. И что только в нем?

— Там мои учебники. Мисс Райт сказала, что пригодятся в новой школе.

— Может, какие оставить, а? — спрашивает отец.

— Что ты, папа, мне все книги нужны. Мисс Райт велела...

— Ну хорошо, хорошо. А вот без этой можно обойтись.

— Что ты, что ты! Это моя самая любимая! Замечательная сказка. Про соломенного Страшила и про Железного Дровосека, про Трусливого Льва и про Изумрудный город, и...

— Ох, Матиу, тебя не остановить, — смеется отец и протягивает другую коробку. — Положи сзади. Здесь мамино барахло. Что она только с собой не везет!

— Было бы о чем говорить, — на веранду выходит мама. — Матиу, ты не знаешь, где Роха? Ну и бездельница сестра у тебя.

— Она пошла попрощаться с Хоне, мама.

Хоне — это ее парень, они ходят вместе. Даже обнимаются — сам видел!

А посмотрели бы вы нашу машину! Папа купил ее у мистера Уоллеса. Совсем как новая. Бип-бип, поехали. Я и водить умею. Пусть вон папа подтвердит. Шофер из меня что надо.

Посмотрите, кто к нам идет. Все соседи пришли попрощаться. Тена коз, мистер и миссис Парата, тена коз, миссис Мохи, тена коз, тетушка Миро, добрый день. Проходите, мама в доме. Нет, вы пришли вовремя. Мы как раз кончаем собираться. Добрый день, дедушка Пирипи. Тена коз.

— Эй, Матиу! — слышу я чей-то голос. Ба, да это же Хеми, мой закадычный друг. Он машет мне рукой. Я срываюсь с места, и мы бежим прочь от дома, смеемся неизвестно чему и бросаемся на траву в тень деревьев.

— Хочешь закурить? — предлагает Хеми. Он закуривает и неумело затягивается.

— Спасибо, я не буду, а то мама по запаху догадается. Откуда ты сейчас?

— С реки. Смотри, что принес.

И он вытаскивает из кармана голову хинаки*. Таких больших я еще не видел.

— Какая красивая! Где ты ее поймал?

— Под ивами.

У меня даже дыхание перехватило. Мы долго охотились за этой хинаки. Говорят, они достигают такой длины, что в речке им и не развернуться.

— Это тебе. На память.

— Да что ты... Хеми.

— Бери, бери. Для тебя старался. Покажешь городским, что такое хинаки.

— Ну, Хеми...

И я замолкаю. Говорить трудно. А вот и мама зовет меня.

— Мне пора. Может, пойдём к нам?

— Нет, там и без меня народу хватает.

— Ну, прощай, таку хоа, прощай, дружище.

Он уходит. Уходит мой самый близкий друг. Но для меня он самым близким и останется. Честное слово.

— Где ты все бегаешь?— ворчит мама.— Мог бы помочь. Да скажи отцу, чтобы перестал дуть пиво. С пьяным я никуда не поеду.

— Верно, Хине,— поддакивает тетушка Вики.— Ну-ка, покажи своему старику, кто в семье голова.

И обе смеются. Миссис Коко — ей снова скоро рожать, уже в седьмой раз — тоже неразлучна с бутылкой пива.

— Эй, Макажете!— кричат ей.— Не много ли пьешь? Смотри, ребенок пьяным на свет появится.

Я бегу на задний двор. Мужчины пьют. Сонни бренчит на гитаре. Отец беседует с дядей Пита.

— Папа, мы скоро поедём?— спрашиваю я. Но отец занят разговором.

— Конечно, я прав,— доказывает он,— здесь работы не найти. Только железная дорога, лесничество да пастбище.

* Водяная змея (маори).— Здесь и далее — примечания переводчика.

— Ну зачем же так говорить, брат, — отвечает дядя Пита, — я вот живу, и неплохо. Почему бы тебе вновь не заняться стрижкой овец? Ты ведь большой мастер по этой части.

— Ох Пита, мы с женой поездили. С меня хватит. Эта работа на пару месяцев, а потом что? Либо идешь фрукты собирать, либо дальше на юг едешь и снова — стриги, стриги, стриги. А зимы нынче холодные. Вот в Веллингтоне жизнь — это да! И работы вдоволь, и платят хорошо.

— Эх, — вздыхает дядюшка. — Все куда-то едут, прямо целыми деревнями.

— Ничего не поделаешь. Мне, думаешь, хочется уезжать? Здесь мы родились, здесь бы нам и жизнь прожить. Но нужно ехать, оставаться нет смысла.

— А то пожил бы еще немного, — не сдается дядюшка. — Может, все еще обернется к лучшему. А если деньги нужны, так я могу дать.

— Да, трезвый денег не предложит, — смеется отец, — спасибо, но деньги оставь себе. Еще пригодятся. Семья у тебя большая. Детишкам учиться нужно. Такие-то дела, брат. Мои ребята тоже вроде не дураками уродились. И я хочу, чтобы им жилось лучше, чем мне. Чтобы не пришлось им надрываться. Мы с женой всю жизнь работали не покладая рук, да так ни с чем и остались. Нужно туда ехать, где можно разбогатеть. А в мире пакеха это главное.

— Только и разговоров: живи как белые, — ворчит дядюшка. — Не успеешь оглянуться, как все маори превратятся в пакеха.

Отец молчит, в его глазах грусть.

— Да так и получится. Думаешь, молодым есть дело до их маоританга? Наверное, мы в этом виноваты. Хотя, кто знает, может, и нужно так жить, как эти пакеха, любыми средствами к успеху, а может, мы и впрямь, как говорят, вымирающая раса. Но пока жив — надо жить. Умру — пусть похоронят на родине. Это мое последнее желание.

Дядя шуточно шлепает отца:

— Ну-ка, выше нос. И чтобы таких разговоров я больше не слышал. Ты еще полон сил.

— Да где уж там, Пита. Иногда годы дают себя знать.
Чувствуешь себя старым и беспомощным.

— Прекрати сейчас же. Выпей-ка лучше пива.

Тут уж я не утерпел:

— Мама не велела больше пить, папа.

Отец как-то странно посмотрел на меня.

— Ведь все это я затеваю ради тебя, Матиу,— шепчет он,— ради тебя.

— Ничего, папа, выдюжим.

Подходит мама.

— Ну-ка, муженек, давай отправляться. До Веллингтона далеко.

— К чему спешить, жена?

Мама почти силой вырывает бутылку у него из рук.

— Хватит пить. Я не хочу, чтобы на дороге в Веллингтон мои косточки собирали. Поторапливайся. Пора ехать.

Я иду за мамой и папой к крыльцу. Все как-то притихли. Народ все подходит. Роха, горько рыдая, прощается с Хоне.

-- Ну,— сказал отец, помолчав,— пора и в путь.

— Хаэрэ ра, Куини,— прощается мама с тетушкой. Они трутся носами и начинают плакать.— Хаэрэ ра, бабушка, прощайте, Хопа. Хаэрэ ра, мама, прощай, родная.

Мы проходим сквозь толпу,жимаем протянутые руки, обнимаемся, тремя носами.

Прощай, отчий дом. Прощайте, друзья, хаэрэ ра, мои родные и близкие. Мне так грустно расставаться с вами всеми. Здесь мои родные, здесь моя ванау*, мой дом. Я уезжаю, и мне грустно.

Сонни наигрывает на гитаре. Собравшиеся начинают петь, ритмично раскачиваясь. Мама достает носовой платок.

В открытый океан мы держим путь.

Но сердце дом родной зыбыть не может.

Пусть мы уезжаем в большой город. Но душой мы всегда останемся на родине.

* Родовая община, деревня (маори).

Кончается песня. Слышны лишь всхлипывания. Мама садится в машину и забивается в угол. Роха устраивается на заднем сиденье. Я залезаю туда же.

— Прощайте, друзья, прощай, родная деревня,— шепчет отец, и машина трогается. Люди машут нам вслед. Мама плачет, уже не скрывая слез. Не выдержал и отец. Они то и дело оборачиваются. Домики становятся все меньше и меньше. Деревушка уже позади. Провожающих почти не видно — только словно маленькие флажки трепещут вдалеке. Мы выезжаем на шоссе.

Я смотрю вперед. Дорога ведет в Веллингтон, в Изумрудный город. Мне бы прыгать от радости, но радости нет... Я думал раньше, что уезжать — здорово!

Ведь правда, здорово?

И разве мне сейчас не радостно?

Я оборачиваюсь. Позади осталась наша жизнь, позади остался наш дом, остались наши близкие, зеленые луга, на которых паслась наша корова Эмерэ.

Прочь слезы.

Хаэрэ ра, прощай Эмерэ.

Как околдовали миссис Джоунз

Сию я сейчас на диване, смотрю на свои нестриженные ногти на ногах, и вспоминается мне миссис Джоунз... Из-за этих ногтей жена меня из спальни и выпроводила. Длинноваты, конечно, ничего не скажешь, больше двух месяцев не стриг, они уж загнулись, чуть не до земли достают, даже стричь жаль. Еще немного — и как рессоры станут, на каждом шагу будут пружинить. Впрочем, нет, лучше остричь, а то от жены взбучки не миновать...

Сам, дурак, виноват, что жена заметила, не надо было так далеко от постели раздеваться. Как увидела — глаза на лоб полезли, я-то подумал: сейчас похвалит, а она — чуть не в обморок (знаете, как женщины слабыми да беззащитными показать себя любят). Я к ней, а она в крик:

— И близко с такими когтищами не подходи! Чтоб духу твоего здесь не было!

Про когтищи это она, конечно, зря. Подумаешь, преступление — ногти на ногах отрастить. Начну-ка я, пожалуй, ногти стричь, а то что-то здесь, в прихожей, прохладно.

Так вот, я не случайно вспомнил про миссис Джоунз и про то, как ее околдовал мистер Хохепа. У нас, у маори, колдовство называется макуту, и связано с ним поверье: стоит кому завладеть чем-то вашим, пустяковиной какой — волоском ли, платком ли, ногтем,— околдовать вас тогда проще простого. Ничего не поделаешь — макуту. Я раньше посмеивался, когда мать заставляла меня зарывать или сжигать стриженные волосы и ногти — и чтобы никто не видел. Посмеивался, пока сам не убедился, что такое макуту... Никак не идет у меня из

головы миссис Джоунз, сейчас что настригу — выброшу, а то вдруг жена заколдует да власть всю заберет. Тогда я совсем пропал!

Я еще мальцом был, когда миссис Джоунз околдовали. Была она вдовая и занималась тем, что по контракту доставляла в наше маленькое маорийское селение почту, продукты. К ней эта работа от мужа перешла. И по понедельникам, средам и пятницам миссис Джоунз садилась в свой грузовичок, ехала на почту, забирала письма да посылки и для наших деревенских, и для других фермеров в округе. Она заезжала и в булочную, и в бакалею, и за книгами — по дороге заказов набиралось много.

А на обратном пути развозила все по фермам. Долгим, да и порой утомительным бывал ее путь: приходилось в одиночку таскать мешки с мукой, сахаром, тяжелые запасные части для полевых машин.

Но миссис Джоунз — женщина сильная, сама говорила: «Кровь во мне ирландская, от нее и сила». Высокая, за себя постоять может. Когда умер муж, ей и сорока еще не было, ясное дело, наши деревенские ухажеры не стали ждать, пока траур кончится. Да только все получали от ворот поворот, а те, что понахальнее, — увесистую оплеуху. Пококетничать она и сама была не прочь, но если дело заходило слишком далеко, ее ирландская кровь вскипала. А мужчины еще больше голову теряли: красива да еще с норовом! Разве устоишь перед бесшабашными зелеными глазами да низким, грудным смехом! Особым успехом она пользовалась в нашей ванану. Но острым словом держала всех на расстоянии.

— Что, Хепа, или тебе собственной жены мало?..

— Пошла бы я с тобой, Фрэнк Вату, да ведь ты так нализался, что далеко с тобой не уйдешь!..

— А тебя, милый, со всеми потрохами мне и на закуску не хватит!..

Женщины в деревне, зная ее нрав, не ревновали. Видели, наверное, за грубоватыми шутками неприкаянность женской души и понимали, что миссис Джоунз не допустит никаких

вольностей, а особо рьяных поклонников угостит крепким кулаком.

Но от колдовства мистера Хохепы ее не спасли даже крепкие кулаки.

Был он в числе ее почтовых клиентов — тохунга, деревенский знахарь, уже в годах. В округе его считали колдуном. В детстве, когда я не слушался, меня стращали не каким-нибудь чудищем, а мистером Хохепой.

— Ишь неслух какой! — говорила мать. — Вот придет мистер Хохепа, заберет тебя.

Мы с сестрами так и тряслись от страха. Мистер Хохепа был для нас и Дракулой, и Франкенштейном, и оборотнем. Темными ночами мы рассказывали друг другу страшные случаи, что слышали краем уха от взрослых. Как заколдовал мистер Хохепа Карараину Бейкер, а потом у нее родился ребенок; как ворожит он у себя дома. Чем длиннее ночь, тем страшнее рассказ, непременно кто-нибудь из нас не выдержит и заревет. А за ним — остальные. Придет мать, шикнет:

— Ну-ка спать сейчас же! Не то отдам вас мистеру Хохепе.

А мы со страху знай ревом пуще прежнего, какой уж тут сон! Жмемся друг к другу в темноте, потом страх пересиливает и мы тихонько переползаем в постель к родителям: только там спасение от мистера Хохепы.

Ни мы, ни другие ребята в деревне на глаза ему старались не попадаться. Идет навстречу, а мы — врассыпную. Лишь бы не видеть черных пронзительных глаз. А стоит ему на нас взгляд бросить, мы — в панике: макуту... макуту... Будь он не таким страшным, мы бы лишь посмеялись над родителями: нечего пугать. Сами они не боялись, спокойно произносили его имя. Как мы завидовали их смелости! Ведь мистер Хохепа мог наслать гром и молнии на дерзкие головы, мог превратить их в жаркое и съесть.

Иначе как стариком я его и не представляю, наверное, смолоду был таким. Роста он был высокого, нос огромный — до подбородка, багровые губы все время шевелились, мы, малыши, думали, что заклинания шепчет, — нужно было какое-нибудь объяснение придумать!

На дряблом, морщинистом лице — огромные черные глаза, а белки так сверкают, что глаза за километр видно. Одно ухо в шрамах (наверное, когда волком оборачивался, собаки покуса-ли), в другом — нефритовая серьга.

Хоть ростом он и высок, ходил всегда ссутулившись, припа-дал на одну ногу, опираясь на резную палку — токотоко. Мы ее страсть как боялись: она блестящими ракушками изукра-шена — пауа называются, — точно глаза околдованных им лю-дей. Иной раз что-то шептал своей токотоко и бил ею оземь — наверное, наказывал. Или махал ею, когда говорил с кем-нибудь на чистейшем маори. Мы прислушивались, холодея от ужа-са — вот-вот заколдует... вот-вот заколдует.

Повсюду он появлялся в накидке из перьев. Как тохунга-знахарь он часто представлял нашу деревню на разных торжествах и церемониях, которые устраивали белые, на-пример, когда в соседнем городке открывали библиотеку. Белые его тоже побаивались. Сам мэр не посмел урезонить мистера Хохепу, когда тот в сердцах (ему отвели место на трибунах лишь во втором ряду) принялся грозить ему палкой.

Жены у него не было. Да и кто ж за него пойдет? — думали мы. Ведь ему почти пятьдесят. Но тут-то он и околдовал миссис Джоунз.

Было это двенадцать лет назад. Мне тогда шел одиннадца-тый год. Рос я хлипким, в драках мне доставалось чаще, чем другим сверстникам.

Помню, дело шло к рождеству. Нужно подарки родным покупать, да и себе я водяной пистолет присмотрел. А денег на все не хватает. Тут вижу на двери магазина Андерсона объявление: «Требуется крепкий мальчик для разноски». Захожу, смотрю — там уже кое-кто из моих дружков. Ясно, думаю, не видать мне этой работы. Но на всякий случай сел, жду. Просто неохота было идти домой — мать сразу бы нашла мне работу.

— А что разносить-то? — спрашиваю Уинти Эдвардса, но он лишь плечами пожал:

— Почем я знаю! Главное, им крепкий парень нужен.

— Да я просто так спросил, на что мне эта работа!— поспешно отвечаю, сразу смекнул, как себя вести, не забыл, как он мне врезал на днях. Хватит с меня.

— А чего ж тогда расселся?— спросил кто-то из ребят.

— Просто так, где хочу, там и сижу. Что, ты это место купил, да?

Ребята на меня уже коситься стали, чую — добром не кончится. Тут Уинти и говорит:

— Мотали бы вы все отсюда. Все равно самый крепкий — это я.— И, чтобы все видели, согнул руку в локте, мышцы, словно налитые персики, так и вздулись.— Видел?— и сует мне свои персики под нос.— Пощупай!

Я пощупал, делать нечего: попробуй откажись — получишь в глаз. Но до этого не дошло, появился мистер Андерсон, владелец магазина.

— Что за работенка, хозяин?— спрашивает Уинти самым что ни на есть «прожженным», с его точки зрения, голосом.

— Вот ее спрашивайте,— проворчал мистер Андерсон и указал на миссис Джоунз, а та стоит за прилавком, нас разглядывает, в глазах искорки, на губах — улыбка.

— Это ж надо сколько силачей. Но мне-то только один нужен, красавцы вы мои. Раз, два, три, кто со мною — выходи. А выйдет со мною...— указательный палец двинулся вдоль нашего строя, замер, вернулся, пополз дальше, помешкал,— вот... этот!— наконец объявила она.

— Этот?— ребята так и ахнули.

— Кто?— ахнул следом и я.

— Этот,— повторила миссис Джоунз, указав на меня, и сразу же велела грузить в машину мешки и коробки.

Мне все не верилось: неужели место мое?!

Уинти, выходя из магазина, бросил:

— Не хватало еще на женщину работать!

Кое-кто поддакнул.

Но мне-то какое дело! Потом я спросил миссис Джоунз, почему она выбрала именно меня.

— Люблю невезучих,— ответила она, но объяснять не стала.

— Сама из таких.

Пока мы колесили по дорогам, я, конечно, лучше узнал миссис Джоунз. И крепко полюбил. Хотя иногда ее не поймешь: смеется, а через минуту уже грустит. То распевает что есть мочи, то чертыхается. А то найдет на нее, так она молчит целый день. Гонит машину, точно от собственных мыслей бежит. Пыль столбом, а как остановимся, так меня подгоняет:

— Поживее, Таваи!

— Шевелись! Нам еще развезить да развезить.

— Ну-ка, быстро! Одна нога здесь, другая там!

Когда мысли все же настигали, ее голос рокотал точно вулкан, не подходи. Чувствуя, что вот-вот начнется извержение, я старался ей не докучать, а когда вулкан затихал, я не ждал извинений за грубые слова и окрики. Уж очень она гордая, извиняться не в ее правилах. Но вдруг смягчится лицо, потупится взор — значит, раскаялась, хотя словами ей этого не передать.

Вообще-то по натуре она была щедрой и доброй и, как мне думалось, очень умной. Жаль, что я не всегда понимал ее шутки. А шутить она мастерица. Остра на язык. И слово ее то ласкает, то бьет, не поймешь иной раз, шутит она или всерьез. Так хитро загнет, что по-всякому истолковать можно. То ли насмехается, то ли дразнит. Так что язык ее не хуже кулаков защищал от «козней обольстителей коварных», как она сама выражалась.

Будь она посдержаннее да помягче, может, и не столкнулась бы с мистером Хохепой.

С незапамятных времен (когда меня еще на свете не было) почту и заказы мистеру Хохепе доставляли прямо к крыльцу. Каких трудов ему стоило добиться такой почести! Обычно к дому почту не подвозят — слишком далеко фермы от дороги. Но мистер Хохепа считал себя исключением. Вроде бы ученый человек. Он писал министру связи, министру по делам аборигенов, министру транспорта, но они люди смелые — отказали. Правда, вскоре поплатились. Говорят, и здесь не обошлось без макуту: через год все правительство ушло в отставку. Новые министры тоже не помогли, хотя бы из чувства благодар-

ности: как-никак мистер Хохепа помог им прийти к власти. Тогда он пошел к мэру, мэр направил его в местный муниципалитет, тамошние чиновники вежливо попросили почтовых служащих «уважить старика, чтобы больше не докучал». Те поворчали, но вежливые просьбы взяли свое, и почту мистеру Хохепе стали подвозить прямо к дому. Хозяин обычно, словно король, восседал на веранде и лишь ворчал, вместо того чтобы поблагодарить. В руках — токтоко. Один раз стукнет об пол — значит, все в порядке. Стукнет два раза — что-то нужно забрать в город. Три — вы свободны. Случалось, и четыре раза сердито стучала токтоко — мало почтения оказали, нужно вернуться и под его испепеляющим взглядом дожидаться, пока он не стукнет три раза.

Миссис Джоунз считала это сущим издевательством. Пока доберешься до дома, три калитки открывать-закрывать приходится. И то же — на обратном пути, что она, рабыня его, что ли? Самое возмутительное — мистер Хохепа мнит из себя владыку, а остальные — грязь у него под ногами. Бунтарку в миссис Джоунз он почуял сразу. Вначале он встречал ее холодным презрением, но однажды явно перестарался.

В тот памятный день миссис Джоунз была мрачнее тучи. Казалось, за машиной несутся не облака пыли, а черные смерчи. Высокая трава почтительно кланялась, деревья расступались. На крутых виражах ветер хлестал по щекам, точно перчатку в лицо бросал. Как назло, у меня в тот день все из рук валилось. Хотя старался я вовсю, в машине сидел смирнехонько, глядел прямо перед собой, а угрюмого лица миссис Джоунз будто и не замечал. Подъезжаем к дому мистера Хохепы, чувствую, миссис Джоунз вот-вот прорвет, а тут еще, на беду, помимо обычных заказов мистер Хохепа попросил привезти мешок муки и мешок сахара. Не будь этих мешков, может, все бы и обошлось.

Проскочили мы первую калитку. Я ее запер и бегом ко второй, миссис Джоунз уже подъехала, дожидается. Вихрем пронеслась она мимо — так и дохнуло на меня смерчем. Третья калитка подальше, пришлось миссис Джоунз меня обождать. Вскочил я на подножку, смотрю, она руль так стиснула, что пальцы

побелели, потом достала сигарету, закурила, а глаза так молнии и мечут. Потом отшвырнула сигарету и подняла глаза на веранду: сидит мистер Хохепа в кресле-качалке, руки на коленях сложены. Шмыгнул я в машину, слышу, миссис Джоунз шепчет спокойненько этак, хотя мне-то ее слова — как гром: «Ну, я ему покажу!»

Лихо подкатили мы к крыльцу. А по дорожке как раз куры шествовали, такие же задаваки, как и хозяин, — небось ждали, что мы остановимся и дорогу уступим, но мы прямо в самую гущу врезались. Закудахтали они и врассыпную. Мистер Хохепа аж почернел, но промолчал, сидит как изваяние.

Я выскочил из машины, открыл багажник. Схватил коробку — благо не тяжелая, — внес на крыльцо. Стою, жду. Токотоко очертила дугу и уперлась в дверь. Ладно, подтащу к двери. И скорей назад, за мешком с сахаром. Опять токотоко величественно указала на дверь. Меня мистер Хохепа словно и не замечает. Некогда — его уничтожающий взгляд направлен на миссис Джоунз.

Ташу я мешок с мукой. Тут-то все и случилось. Оступился я, упал, ну, думаю, убьет меня миссис Джоунз. Попало и впрямь крепко, да только не мне.

— Что королем расселся, Хохепа! Помоги-ка мальчишке!

Мистер Хохепа выгнул бровь, хмыкнул и еще выше вздернул подбородок. У меня от страха душа в пятки ушла. На «ты» мистера Хохепу еще никто не называл!

Миссис Джоунз вылезла из машины, хлопнула дверцей, взяла мешок с одного конца, я — с другого, и втащили мы его на веранду. Взглянула с презрением на мистера Хохепу и стала спускаться.

Токотоко гневно застучала об пол. Раз, два, три, четыре. Я ни жив ни мертв, смотрю — мистер Хохепа вперил в миссис Джоунз взгляд и недобро так ухмыляется, а палкой в дверь тычет, мол, несите на кухню. Миссис Джоунз выругалась, я — скорее за мешок, да только мистер Хохепа меня палкой отстраняет, на миссис Джоунз показывает, ей велит нести, ей одной. А она как обернется да прямо в лицо ему: «Черта с два!» — словно кнутом ударила и пошла с крыльца.

Снова за спиной токтоко застучала. Страшен мистер Хохепа во гневе. Я трясусь, думаю: сейчас... макуту... сейчас он ее околдует. Хоть и страшно, но смотрю во все глаза: кто же все-таки верх возьмет в этом молчаливом поединке? Будто два великана гошлись и бьются не на жизнь, а на смерть, даже воздух враждой наэлектризован. Долго бьются, что им годы или столетья, одолеть друг друга не могут. Вдруг улыбнулась миссис Джоунз и говорит этак спокойно: «Сам втащишь!» И повернулась к мистеру Хохепе спиной; тот вскочил, от ярости прямо дрожит:

— Ты! Женщина! Да как ты смеешь!

Но больше сказать ничего не успел. Вулкан миссис Джоунз заклокотал и исторг всю скопившуюся лаву. Долго, видать, случая ждала. Ишь, говорит, расселся как король! Я тебя насквозь вижу. Тоже мне шишка на ровном месте. Возомнил себя первым человеком в округе! Как бы не так! Всяк сверчок знай свой шесток! И нечего сквернословить на маорийском, она все прекрасно понимает! И нечего ему нос задирать! Ничуть он не лучше других в деревне, и никакой власти у него над людьми нет, каждый знает! А то, что его мать арики — родом из семьи вождей,— еще ничего не значит. Ему-то вождем не бывать! И валяться у него в ногах, прислуживать никто не обязан. И отныне все пойдет по-другому.

Я знай себе слушаю: мистер Хохепа кроет ее на маори, потрясая токтоко, миссис Джоунз кричит отрывисто, будто лает, а сам я к машине пячусь, шмыг — и там! Но на мистера Хохепу нет-нет да взгляну. А он все надрывается, прямо почернел:

— Не смей так говорить со мной! Пожалеешь! Ты на службе! Я напишу жалобу твоему начальству! И меня послушают! Ты вторглась и нарушила порядок! Передавила кур! Молчи и рта не раскрывай! Знаю я тебя: небось и мужа в могилу свела своей руганью!

Этого миссис Джоунз снести не могла. Она снова ринулась в атаку.

— Пиши, пиши свою жалобу,— орет.— Очень я тебя испугалась! А о муже моем лучше не заикайся. Он меня любил.

Тебе и слово-то, поди, незнакомо, каждый скажет! Ты же стал посмешищем для всей деревни. Горе-король! Видел бы ты себя! Господи, да если б на белом свете, кроме тебя, мужчин совсем не осталось, я все равно в твою сторону даже не взглянула!

Выпустив этот смертельный заряд, она села в машину. А мистер Хохепа все время размахивал палкой.

— Паэ каре, берегись, женщина! Вернись, пока не поздно, внеси мешок!

И забормотал что-то, наверное заклинание. Гляжу на миссис Джоунз: ну, пропала! А она лишь рассмеялась, дала газ, машина взревела и рванулась к калитке.

— Не смей закрывать!— крикнула она мне. Я растерянно оглянулся: на веранде все еще бесновался мистер Хохепа.— Слышал, что я говорю: не закрывай!— приказала миссис Джоунз.

Я послушался. Вот и вторая, и третья калитка позади, выезжаем на дорогу, миссис Джоунз рукой на прощанье помахала, еще и гудок дала.

— Будет теперь знать! Пусть сам свои калитки запирает!

У меня прямо мурашки по спине. Неужели миссис Джоунз не понимает, что ей грозит? Она раздумянилась, в глазах искорки — победа!

— Это еще цветочки!— говорит, а сама смеется, и заливи-стый смех ее несется ввысь. Загляденье — до чего ж она была в ту минуту красива! И если до той поры я еще сомневался, что люблю ее, то сейчас все сомнения развеялись...

Да, это и впрямь были только цветочки. В следующий раз мы оставили заказы мистера Хохепы у ближней к дому калитки, потом — у второй, еще через день — у самой дальней, при дороге. На четвертый — сложили все у обочины.

Каждый раз миссис Джоунз махала на прощанье рукой и давала гудок, а я видел, как горят в тени веранды глаза мистера Хохепы. Я даже подумывал, а не бросить ли мне работу. Как-то неуютно стало. Макуту... макуту... Но любовь к миссис Джоунз оказалась сильнее.

Понятное дело, скоро вся деревня знала о случившемся. Почти все были на стороне миссис Джоунз, хотя о мистере

Хохепе дурного старались не говорить. Я стал едва ли не самым известным человеком в округе. Только и слышишь: «Ну, что сегодня новенького, Таваи?» И в сотый раз приходилось повторять, что почту и продукты мы оставили за калиткой. Всем не терпелось узнать, а что же было потом, ведь что-то же было. Думали, что я скрываю, говорить боюсь, наверняка же мистер Хохепа заколдовал миссис Джоунз. Ладно уж, выкладывай все, как есть,— приставали ко мне. И пришлось в конце концов самому сочинять всякие небылицы, в моих рассказах мистер Хохепа предстал совершенным чудовищем. Он гнался за нами, проклиная миссис Джоунз, но храбрая женщина спуску ему не давала. И все в том же роде, лишь бы меня в покое оставили. Поначалу даже нравилось придумывать, но потом в душу стали закрадываться сомнения. Я даже предложил Уинти Эдвардсу свое место — устал сочинять небылицы и одумался,— но тот лишь посмеялся надо мной.

Примерно в то же время о случившемся узнало и начальство миссис Джоунз. Как-то раз, забрав на почте газеты и письма, мы собирались уезжать, но тут к миссис Джоунз подходит ее начальник, встревоженный такой.

— Я слышал, миссис Джоунз, у вас неприятности.

— Во всяком случае, я о них не знаю,— миссис Джоунз — сама невинность.

Чиновник смущенно кашлянул, замялся.

— Видите ли, по слухам, я подчеркиваю: по слухам, вы не доставляете почту мистеру Хохепе непосредственно домой.

Миссис Джоунз вспыхнула:

— Это он вам сказал?

— Нет, нет, что вы,— тут же перебил ее чиновник,— я же говорю, по слухам. Не знаю, насколько они достоверны, но мне бы хотелось напомнить вам, что мистер Хохепа — человек незаурядных возможностей и вы подвергаете себя...

— Обо мне не беспокойтесь,— оборвала его миссис Джоунз,— я за себя смогу постоять!

Взглянул на нее чиновник и говорит:

— Дай-то бог. Но муниципалитет снимает с себя всякую

ответственность за возможные последствия. — И ушел. Долго смотрела ему вслед миссис Джоунз, крепко, видать, задумалась. Потом слышу — шепчет, конечно, не для моих ушей:

— Это ж надо! Не нажаловался, оказывается, старик Хохепа! Вот уж не думала... — Тут же спохватилась и уже обычным голосом: — Да иначе и быть не могло, это наше с ним личное дело.

Машина в тот день летела так, словно сам дьявол сидел за рулем.

Минуло рождество, за ним — Новый год. Купил я долгожданный водяной пистолет. В праздники мы не работали. Чего уж лучше! Но я почему-то все время боялся за миссис Джоунз. Словно сердцем чуял: что-то случится. Макуту — это не шутка. Макуту... Страхи мои не исчезли даже после того, как мистер Хохепа на рождество улыбнулся миссис Джоунз. Она в тот вечер засиделась в баре, решила на сон грядущий выпить джину. Стаканчик за стаканчиком, сидит, смеется, болтает с фермерами, их женами. Все ее хвалят: вот-де молодчина, прижучила, наконец, старого Хохепу. А тут откуда ни возьмись — он, легок на помине.

Все сразу приумолкли, стали от миссис Джоунз подальше отходить — как в ковбойском фильме перед перестрелкой. Вроде и страшно, и любопытно — что дальше будет?

Я в это время гулял, а как увидел, что Хохепа в бар вошел, сразу — к окну. По сей день помню, как все было.

Подходит мистер Хохепа к стойке, медленно.

— Два кувшина пива.

Бармен юрк за стойку, тут же выставил пиво. Хохепа заплатил. Обернулся. Впился взглядом в миссис Джоунз, смотрит не отрываясь, и взгляд у него какой-то странный.

А она — красавица, точь-в-точь из ковбойского фильма. Колодец в пустыне. Мужчины б такой до дна вычерпали. Только посмотришь на нее, а у самого уж губы пересохли, в горле — комок. Небывалой красоты женщина. Такая весь мир с ума сведет, но пока сидит она здесь, в баре, одна, качает ногой, к щеке стакан прижала. И почему вместо этого стакана не моя рука!

Вот вздохнула она, тяжело этак, а по бару словно аромат разнесся.

— Выпей со мной, Хохепа!

Тут глаза у всех — на лоб, хотя никто не шелохнулся.

— Давай заключим мир на праздники,— продолжает она, мистер Хохепа — ни слова. Вперил в нее взгляд — и все тут. Но вот плотно сжатые губы шевельнулись, змейкой пробежала улыбка и исчезла.— Ну, так как, мир, Хохепа?

Ни слова в ответ. Потом слегка кивнул, забрал кувшин и, постукивая токоток, вышел.

В баре точно бомба разорвалась; все кричат, окружили миссис Джоунз: какая смелость, какая выдержка!

— Хороший урок для Хохепы!— засмеялся кто-то.

Урок ли?— подумал я. Уж очень страшно он улыбался. А проходя в темноте мимо меня, даже негромко засмеялся, вот ей-ей.

Так, с ногтями почти покончено. Еще три осталось, может, хоть тогда меня в спальню допустят. И что ей так мои ногти дались? Должен же я хоть чем-то защищаться от нее?!

Впрочем, вернемся к миссис Джоунз и мистеру Хохепе. После праздников война возобновилась. Почту мы по-прежнему оставляли при дороге. А хозяин по-прежнему молча следил за нами с веранды. И так три раза в неделю. Я почти поверил в безнаказанность миссис Джоунз, может, мистер Хохепа ее простил?

Но тут на адрес мистера Хохепы пришло заказное письмо, а в получении нужно лично расписаться. Миссис Джоунз прямо взбеленилась. Чуть волосы на себе не рвала, доказывала почтмейстеру, пусть мистер Хохепа явится за письмом сам, или пусть ей разрешат оставить его у калитки. Нет, только из рук в руки. Согласно инструкции.

Даже в машине миссис Джоунз не унималась. Но постепенно успокоилась, а около его дома, видать, и совсем смирилась.

— Даже любопытно взглянуть. Как-то там старый хрыч — держит оборону?

Он, как обычно, восседал на веранде — ни дать ни взять

огромный черный котище — и, конечно, изумился, видя, что машина подъезжает к самому дому. Но когда мы вылезли, на лице Хохепы уже играла торжествующая улыбка.

— Вам письмо,— бросила миссис Джоунз,— распишитесь.

Мистер Хохепа долго возился, расписываясь на бланке. Ну, вроде бы все. Мы направились к выходу.

Четыре раза стукнула палка старика. Миссис Джоунз обернулась, в ней уже закипала ярость. Но не успела и рта раскрыть — мистер Хохепа опередил ее, гостеприимно повел рукой и сказал:

— Женщина, выпей со мной!

Что я слышу! Миссис Джоунз тоже ушам своим не поверила. Но быстро справилась с удивлением.

— Это просьба или приказ?— резко спросила она.

— Просьба,— ответил мистер Хохепа,— заходи в дом.— И поманил ее за собой. С минуту миссис Джоунз колебалась, в глазах — недоверие. Потом рассмеялась и сказала:

— Что ж, я не против, мистер Хохепа!— И кивнула, чтобы я тоже шел, но я так легко позиций не сдаю.

— Не хочу я пить,— говорю,— лучше здесь подожду.

Зайдешь, чего доброго, так потом, может, и света белого никогда не увидишь. Да и как знать, вдруг за помощью для миссис Джоунз бежать придется. Не понравилось мне, как он на нее смотрел, глаза горят — жуть, но предупредить ее я не успел — она подмигнула мне и вошла в дом.

Не знаю, что там творилось. Сейчас-то я, конечно, жалею, что вместе с ней не пошел, глядишь, удалось бы ее спасти. Но тогда я сидел на солнцепеке, мысли, одна страшнее другой, покоя не дают. Сначала слышно было, как они разговаривают, потом — тишина. Вскрик, за ним тихий смех. И снова тишина. Куры у моих ног кудахчут, ногти поклевывают, наверное, за маисовые зерна приняли. Я места себе не находил, хотелось ворваться в дом и вызволить миссис Джоунз. Набрался храбрости и... тут появилась она сама. Лицо непроницаемое, такое, когда хотят что-нибудь скрыть. Молча кивнула, садись, мол, в машину. На порог вышел мистер Хохепа. Глаза сияют. Но нам даже не помахал, и миссис Джоунз с ним не

попросилась. Машина тронулась. Чувствую, что-то случилось. Переменилась как-то миссис Джоунз.

А когда она сказала, что потеряла носовой платок, мне все стало ясно. Я же видел: он торчал из кармана мистера Хохепы. Значит, сбываются мои самые худшие предчувствия. Напустит он на нее макуту, и окажется она в его власти.

Макуту...

Сперва я никому об этом не говорил. А между тем миссис Джоунз и впрямь стала меняться. Первые дни почти незаметно: то дрожь по телу пробежит, случись нам мимо дома мистера Хохепы ехать, то метнется взгляд к черной тени на веранде. Но потом ее стало просто не узнать: в глазах — лихорадочный блеск, смеется отрывисто, ведет себя престранно. Глазом не успеешь моргнуть — настроение уже переменялось, не знаешь как подстраиваться. А то вдруг замрет, уставится вдаль, словно всматривается во что-то.

С каждым днем чары мистера Хохепы действовали все сильнее. Миссис Джоунз таяла на глазах. Разве я мог вынести такое, надо же ее спасать, а не сидеть сложа руки и ждать, пока моя любовь, моя ненаглядная миссис Джоунз и вовсе исчезнет, испарится, точно облачко. И я рассказал все маме.

— Мам, а мистер Хохепа у миссис Джоунз платок стащил!

— Вот оно что! Потому она так изменилась. Макуту...

— Как мне ее выручить?— я был в отчаянии.

— Ничего не поделаешь, Таваи,— вздохнула мама.— Никто ей не поможет, пока платок у него. Да и поздно уже, наверное, мистер Хохепа совсем ее приворожил.

Нет, смириться я не мог! Нужно действовать! Если понадобится, даже в дом к мистеру Хохепе залезу.

И выбрав ночь потемнее, я решился. В крошечной тьме стонало, ухало, луна спряталась за черными, словно стая демонов, тучами. Я все время шептал молитвы и старался унять сердце — вот-вот выпрыгнет из груди.

В передней у мистера Хохепы горел свет, значит, спать еще не лег. Я зашел с черного хода, дверь была не заперта. В темноте запнулся обо что-то.

— Кто там?— слышу голос хозяина.

— Мя-я-у-у,— отвечаю.

Проверить он не пошел, но я еще долго сидел не шелохнувшись. Потом проскользнул в коридор.

Особой отвагой я никогда не отличался. В драках мне всегда доставалось, и свой подвиг в ту ночь я объясняю только любовью к миссис Джоунз. Сперва я заглянул в спальню. У меня аж сердце упало: как же, найдешь носовой платок среди всего этого хлама. Но я все же сообразил, что искать надо на видном месте, где он заклинания произносит. Вот только где?

В спальне навряд ли. Я снова прокрался в коридор. Тут дверь соседней комнаты отворяется и выходит сам мистер Хохепа, я едва схорониться успел. Встал он на пороге и сказал:

— Нет, не уйдешь!

Но обращался он не ко мне, а к кому-то в комнате. Там на стуле сидела миссис Джоунз! И лицо у нее было какое-то отрешенное.

Эх, слишком поздно, видать, я пришел!

...Начались занятия в школе, работу мне пришлось бросить. Даже легче вроде стало, а то неумоготу смотреть, что творится с миссис Джоунз. Она похудела, присмирела, почти перестала смеяться. А как слышит, что ругают мистера Хохепу, как пантера бросается на обидчика, того и гляди глаза выцарапает.

Видел я ее редко. Стыдно было показываться — ведь я ее вроде как в беде бросил. Вся деревня только и говорила что о макуту. О миссис Джоунз сплетничали повсюду. Дела ее шли все хуже. И в один прекрасный день ее свободе пришел конец.

Ну вот, с ногтями вроде покончено. Пойду-ка закопаю их, а то ведь макуту — великая сила!

Да, мистер Хохепа в конце концов добился своего, взял верх над миссис Джоунз. Она покорно доставляла почту прямо к его порогу, пока не уволилась. Ничего не скажешь, мертвая хватка у старого Хохепы, навечно покорила миссис Джоунз. Хитрости ему не занимать. А самую главную новость я, как и подобает всем влюбленным, узнал последним: миссис Джоунз и мистер Хохепа поженились.

Морской конек и риф

Иногда мне снится нежно-зеленая водная гладь, в глубине шевелятся водоросли, и среди них мелькает хрупкий, словно точеный, морской конек. Искрясь и переливаясь в солнечных лучах, он плывет навстречу. И я вспоминаю риф. В ту пору жизнь еще текла по-старому.

Риф был прямо за нашим городком. В те далекие дни я — еще мальчишка — летом вместе с друзьями и родственниками каждое воскресенье ездил к рифу ловить каи моана*, каких только ракушек не увидишь! И пауа, и пупу — морских улиток, и мидий. Попадались и съедобные водоросли — пипи. А еще водились кальмары и плоские, похожие на камбалу, рыбы. Сколько живности приютил и вскормил риф, и, не скупясь, он оделял нас дарами. Они приходились очень кстати.

Жил там и морской конек.

В то время наша семья ютилась в деревянном домишке вблизи заводской окраины. В воскресенье, бывало, садился отец у окна и смотрел, как наши знакомые и родственники на старых машинах, велосипедах, прихватив мешки, сети да ласты с масками, едут к рифу. Завидев нас, кричали, махали руками. Они жили в деревне — тогда город еще не успел поглотить ее. Каждый раз они звали отца с собой:

— Эй, Ронго! Давай с нами! Наловим каи моана! Отличный день для ловли! — Отец вздыхал, крихтел, дома ему не сиделось. Посуду помой, травы накоси, потом, глядишь, жена еще какую-нибудь работу найдет. Ауэ... Беда!

* Моллюски, морская живность, годная в пищу (*маори*).

Но через минуту в глазах у него загорался огонек.

— Послушай, Гуаи!— кричал он жене.— У меня прямо руки чешутся — так половить охота!

— Если чешутся, иди посуду помой!— отвечала мама.

— Слышь, мать!— снова заводил отец.— Морская живность там без меня пропадет.

— Некошенная лужайка тоже!— парировала она.

Но отец все мимо ушей пропускал.

— Неужели тебе не хочется мидий на обед?

— Мне хочется, чтобы ты забор починил!— ворчала мама.

Тогда отец будто бы шел на попятную, но напоследок бросал:

— Напрасно, видать, нас морская капуста дожидается!

Хитрец! Знал, что мама ее очень любит. Ясное дело, она сразу же в ответ:

— Так чего ж мы сидим? Раз дожидается, надо идти!— И торопила нас: чтобы надевали плавки, купальники, мешки не забыли, ножи взяли, чтобы не суетились, но и не копались долго. Мы садились в наш старый грузовичок и катили к рифу.

Если выдавалась солнечная погода — народу бывало много. Собирали ракушки, водоросли. Издали посмотреть — лишь серые пятна на воде. Мешки да холщовые сумки на спинах. Люди здоровались с нами, махали, звали. Вмиг скинуты башмаки, мешок в руки и — бегом в море.

— Далеко не заходите!— кричал отец уже из воды — сам-то дальше всех. В одной руке у него мешок, в другой — нож. Если замешкаешься, сразу не отковырнешь ракушку пауа, моллюск намертво прилипнет к каменистой стене рифа, без ножа не обойтись. Иногда отец тоже надевал маску — лучше под водой видно.

А маме только дай волю — зайдет по колено в воду и судачит с кумушками из деревни. За сбором водорослей да морской капусты болтали весь день напролет. Ветер парусами надувал их платя, а им хоть бы что.

Самое приятное для мамы с папой — побывать со своими друзьями и родственниками. Снова все — как одна семья, один большой род. Да, славные были времена.

Мы же с сестрами сразу бежали к «нашему» заливу, там водились морские улитки. Мы так и назвали этот залив «улиточным царством». Тянулся он далеко, но был мелок, хотя младшей сестренке Мере — чуть не с головой, коротышка она! А мне — по пояс. Каменистый берег порос длинными водорослями — в воде они колыхались и извивались, точно щупальца. Меж ними сновали блестящие полупрозрачные рыбки, по темному дну шуршали крабы. У кромки берега на воде мирно покачивалось множество улиток. А однажды мы видели, как в темную расселину медленно заплыла морская звезда.

В нашем заливе мы и нашли морского конька. Как в сказке, он появлялся, слабо мерцая, меж бурых водорослей, спокойно и уверенно лавируя среди подводных течений. Мы с сестрами хотели было взять его домой, но отец сказал:

— Он умрет без моря. Здесь его дом. Вся красота и радость жизни для него в море.

Отец учил нас беречь море, любить его:

— Берите с собой лишь то, что годится в пищу, но не жадничайте, всего не съесть — лопнете. Оставьте лучше до следующего раза. Зачем выбрасывать то, что море дарит? Оно доброе, кормит нас и впредь кормить будет, коли мы с ним по-хорошему. Если поднимете камень, когда ракушку ищете, — непременно обратно положите. Края у рифа хрупкие, осторожнее, не ломайте, ведь он столько живности всякой приютил. А когда с моря уходите, не забудьте мусор убрать.

Отец учил нас уважать море, его обитателей. И собирая моллюсков, мы не забывали его слов.

А завидя меж водорослей волшебного морского конька, мы радовались, что оставили его в заливе, теперь им каждый раз можно любоваться.

Наполнив мешки, мы возвращались на берег, играли с другими ребятами, дожидались родителей — они собирали со стороны моря, а мы — у внутреннего кольца рифа. Наконец, подходили и они: женщины, все так же занятые болтовней, мужчины — с мешками на плечах. Потом начиналось веселье, смех не смолкал, добычу делили, самые плохие ракушки и водоросли выбрасывали. До чего ж хорошо всем вместе! Чужих

почти не было. Лишь иногда забредет турист с фотоаппаратом или просто любопытный. Потом мы прощались, а море ласково шептало нам вслед и гнало волны в надвигающиеся сумерки:

— До следующего воскресенья!

Как-то раз мы приехали на риф. Настроение было отличное. Солнце жаркими стрелами вонзалось в воду.

Но в море не было ни одного человека, не видно серых мешков. Не слышно приветственных возгласов, лишь легкая рябь скользит по водной глади.

Отец нахмурился. Прищурился — вдалеке, сбившись в большую группу, стояли в растерянности наши друзья и родные. И смотрели на риф. Потухшие взгляды, печальные лица.

— Что-то неладно, — решил отец и остановил грузовик. Мы подошли ближе. Никто не проронил ни слова. — Холодной воды испугались? — пошутил отец.

Ему не ответили.

— Или акула завелась?

Снова молчание. Потом кто-то указал на объявление.

— Вчера, наверное, повесили.

Отец протиснулся поближе, прочитал.

— Что там, папа? — спросил я.

Он стоял сжав кулаки, и глаза у него сделались злые. Коротко выругался — словно выстрел ударил в тишине. С криком взлетели чайки.

— Разве можно так, Ронго, — мама укоризненно взглянула на него.

— Сначала нашу землю испоганили, теперь наше море, — сказал отец.

— Что там написано, папа? — переспросил я.

Кулаки разжались, глаза погрузнели.

— А написано там, сынок, что нельзя больше ракушки да водоросли собирать.

— Почему?

— Отравили море, сынок! Съешь мидий или морской капусты — заболеешь.

Мы с сестрами растерялись.

— Значит, больше не будет улиток?

— Значит, не будет.

— А морской конек, папа? Он не заболел?

Отец, казалось, не расслышал. Мы пошли обратно к грузовику. Позади какая-то старая женщина затянула скорбную песню. Она оплакивала риф. Слезы — в такой солнечный день.

Ауэ... Ауэ... О, горе, горе...

Вместе со всеми склонили мы головы. А море кипело, сражаясь с желтой струей, которую выбрасывала труба на дне, и желтые щупальца тянулись к рифу, душили его.

Кончилась песня. Отец взглянул на риф и громко заговорил:

— Море, мы творим зло. Мы отравили землю, а теперь и воду. Иссякла в наших сердцах ароха, любовь, растоптали мы твою жизнь! Если можешь — прости! Хаэрэ, друг, прощай! — Он завел мотор, и мы поехали домой.

А мне вдруг привиделось множество беспомощных улиток, плавающих в грязной воде, меж камней — морская звезда в безобразных струпьях.

И среди уже мертвых водорослей молнией мечется прекрасный сказочный морской конек, пытаюсь вырваться на чистую, прозрачную воду.

Родословная

На работе меня позвали к телефону. Из Ваитухи, моей родной ванау, сюда, в Веллингтон, звонил отец.

— Можешь приехать на несколько дней?

— Опять?— не выдержал я.— Только и делаю, что туда-обратно езжу.

— Дедушка Тама просил,— проворчал отец,— видать, нужен ты ему.

— А на этот раз зачем?

— Сам спроси. Передаю трубку.

Было слышно, как он отошел от телефона и сказал дедушке: «У твоего внука-тезки и без тебя хлопот хватает». Потом трубку взял дедушка Тама.

— Это ты, Тама?

— Да, дедушка,— тяжело вздохнул я.

— Приезжай, мокопуна, приезжай, внучек, помоги.

Я услышал его голос, это настойчивое «приезжай» и понял, что отказать не смогу.

— Наша родословная — вакапапа — почти закончена. Осталось только в Руатоки съездить. Отвези меня туда.

— Хорошо, дедушка.

— У нас в Руатоки родственник,— пояснил он,— мы последний раз виделись, когда я еще мальчишкой был. Его отец, помнится, всю родословную нашу знал, должен знать и сын, если жив еще, кой о чем спросить его нужно, прежде чем точку в нашей вакапапа ставить.

— Не волнуйся, дедушка, я приеду.

— Вот и славно, внучек. До Руатоки путь неблизкий, а мне, раз работу не кончил, целым-невредимым нужно вернуться.

Затем и прошу. Другие ведь так лихо ездят — костей потом не соберешь.

— Все понял, дедушка.

— Только ты поскорее приезжай. Не ждет времечко, ох не ждет.

Мы простились. Слова дедушки долго звучали у меня в ушах. Я пошел к начальнику, мистеру Ралстону.

— Все и без слов ясно,— посмотрев на меня, вздохнул он.

— Извините, что так получается. Меня дедушка очень ждет...

— А работа вас не ждет? А я, а ваши коллеги?— и он беспомощно всплеснул руками.

— Извините, ради бога. Но мне непременно домой нужно. Дедушка позвонил. Дело важное.

Последнее время дедушка Тама занялся перепиской и дополнением нашей вакапапа — родословной всей деревни, каждой семьи. Раньше вакапапа — несколько больших красных книг — хранились у дедушки в шкафу в старом доме, где когда-то он жил с бабушкой Миро, заядлой картежницей. Она умерла, и дедушка остался в старом доме, жил в нем до пожара. Но однажды ночью жадное пламя набросилось на дом и поглотило все наши родовые реликвии: плащи из перьев, спортивные кубки, пиу-пиу, костюмы для ритуальных танцев, резные деревянные поделки. Сгорела и вакапапа. Остался лишь кусок нефрита, цветом точно вода в реке, из которой его и добыли.

Все сгорело в одну ночь. Отец рассказывал, что дедушка чуть рассудка не лишился с горя. Он смотрел на языки пламени и все звал: «Миро! Миро!» Долго потом горевал, а с ним и вся деревня. Поселился он у своей старшей дочери, тети Хираины. Стал замкнутым, целиком ушел в воспоминания — так дорог был пепел прошлого. Но мы терпеливо ждали, верили, что вернется дедушка в день сегодняшней. И вот:

— Мне нужна хорошая ручка и тетради. И побыстрее. Времени может не хватить.

Он принялся заново составлять нашу родословную. Не только связывать воедино разрозненную цепь прошлых лет и судеб, что плоть от плоти нашей земли, но и обозначать новые веточ-

ки на нашем родовом дереве. Конечно, мы будем долго горевать о пропавших в огне реликвиях, но главное — не пропала история нашей большой семьи. Она вновь откроется нам на страницах вакапапа. Мы крепко стоим на своей земле, и будем стоять вовек, и, не убоившись нового, чужого уклада, скажем: «Вот мы, вот наша история, вот наша земля, и все мы — тангата венуа — ее дети».

Год сменялся годом — дедушка Тама целиком посвятил себя составлению вакапапа. Многие из старых книг осталось в памяти, и теперь целыми днями он вслух вспоминал имена наших предков.

Вся деревня затаив дыхание прислушивалась к его напевному бормотанию. От дедов к прадедам, все дальше к истокам, терявшимся в вековой толще, прокладывал он путь, связывал тысячи незримых нитей, вспоминая имена, ставшие уже легендой. Не пропали даром долгие годы, пока он был хранителем вакапапа. Его память, точно острый резец по стершемуся орнаменту, восстанавливала каждую деталь почти безвозвратно потерянного рисунка — истории нашего рода. И резец брал глубоко, до самых корней. Из напевного бормотания рождались записи, неторопливые, обстоятельные. Порой казалось, что работа вовсе не движется.

— Память-то мне исправно служит, а вот руки старые, не поспевают, — сетовал он. Тогда ему в помощь дали моего двоюродного брата Анару Вату, он стал записывать все, что говорил дедушка.

Но порой и дедушкин резец оказывался бессильным — так стерлись бороздки орнамента. Память не в силах удержать имена всех живших еще во времена семи легендарных каноэ. Иногда напевный голос смолкал на полуслове. И деревня терпеливо ждала; выругав себя, а заодно и Анару, дедушка напрягал память и все-таки вспоминал! И резец прокладывал еще одну бороздку. И снова лилось напевное бормотание. А деревня облегченно вздыхала.

Понадобилось почти два года, чтобы, насколько позволила память, составить родословную, перебросить мостик от прошлого к настоящему. Но многих ветвей на нашем семейном де-

реве не доставало. Еще целый год дедушка Тама колесил по стране, разыскивая хранителей тех вакапапа, которые соприкасались с родословной нашей деревни. Где они только не жили! Одни голодали в деревенской глуши, забытые молодежью, подавшейся в город, другие осели в промышленных районах, вся жизнь — в вечных поисках работы. А кого-то уже не было в живых, с ними умерли и их родословные. Как горевал дедушка Тама о своих старых друзьях, но потом еще решительнее брался за дело — смерть и его ждать не станет. Иногда за работой он кричал: «Нет, подожди, еще не время! Я не закончил! Подожди!» — будто кто его торопил.

Медленно, по крупице собирал он вакапапа, вписывал имена, проверял, дополнял новыми. Все силы уходили на эти записи. Дедушкой двигала ароха — любовь ко всем нам.

И вот теперь дедушка звал меня. Просил отвезти в Руатоки. В родословной не хватало только одного звена. Еще одно имя — и наш род вновь обретет свое прошлое.

Машина мчит меня прочь от Гисборна, в край зеленого камня.

— Не хотят пускать нашего дедушку, — сказал мне отец, он встретил меня на вокзале, и сейчас мы вместе едем в Ваитухи. — Болен он. Твоя тетушка Хираина говорит, нечего ему разъезжать. Но он решил ехать немедленно. Время, говорит, подгоняет.

— Что, очень плох? — спросил я.

Отец промолчал, но, когда мы приехали к тетушке Хираине, мне все стало понятно.

— Выпороть бы тебя хорошенько, — набросилась на меня тетя. — Разве отец тебе не сказал, что дедушка болен и ехать не может? И чего заявился? Сидел бы в своем Веллингтоне. — Она распахнула дверь дедушкиной комнаты. — Вот, явился твой ненаглядный внучек, — сердито бросила она.

Я взглянул на дедушку, и у меня защемило сердце.

— Нет, никуда я тебя не повезу. Ты же совсем больной. А если у тебя в пути мотор откажет, кто чинить будет?

Одетый по-дорожному, дедушка сидел на краю кровати. Больно смотреть: худой, бледный, дряблая кожа висит складками. Дышал он тяжело, всем телом.

— Мы поедем, мокопуна, непременно поедем, внучек. И немедленно.

— А кто тебе уколы станет в дороге делать!— не унималась тетушка Хираина.— До чего ж упрямый! Одно мученье с тобой!

В комнате нас было пятеро: отец, дедушка, тетя, Анару и я. Дедушка оглядел нас, глаза его сердито сверкнули.

— Вы что ж, хотите, чтобы я так и умер здесь, в четырех стенах? А кто допишет вакапапа? Кто, Хираина, кто?

Тетушка заплакала.

— Да бог с ней, оставь как есть, отец.

Дедушка даже вскрикнул от негодования:

— Как это оставь? А кто ее допишет? Ты? Или Тама? Анару? Мне эту работу заканчивать. И вы обязаны помочь.

Глаза горели неумемным пламенем, пальцы вцепились в набалдашник трости.

Я вздохнул и погладил дедушку по щеке.

— Что ж, хоть и не хочется мне тебя везти, но, если сам до двери доберешься, так и быть, остаток пути до Руатоки на машине проедешь.

— И не думай ехать, отец,— твердо сказала тетушка.

Но он оттолкнул ее, задышал еще тяжелее — видно было, его не переубедить,— вцепился обеими руками в палку, поднатужился, вскрикнул, точно раненый зверь, и поднялся.

— Отстань от меня! Хоть ползком, а до двери доберись! Только ты уж, внучек, свое слово сдержи!

Он стиснул зубы, сделал шаг, другой. Дыхание вырывалось с хрипом. В коридоре пришлось держаться за стенку, палка громко стучала по деревянному полу. Дедушка то и дело останавливался, собираясь с силами. Снова делал шаг, вперив взгляд во входную дверь. Вены на лбу вздулись. Но он все-таки дошел.

Поднял палку, словно собирался ударить, и упал мне на руки.

— Прости меня, дедушка!— Я прижал его к груди.

— А если б я не дошел? Неужели ты бы оставил меня здесь, в этой комнате?— Он заплакал.— Ведь я так тебя просил, так звал. Никогда тебе этого не прощу, мокопуна, никогда!

Я подождал, пока он успокоится, потом взял его на руки и отнес в машину. Анару закутал его в одеяло и сел рядом.

— Ну, мы поехали,— сказал я отцу.

Он лишь кивнул. Тут появилась тетушка Хираина, в плаще, в платке, с маленькой черной сумкой в руках. Она тоже села в машину и захлопнула за собой дверцу.

— Ему же надо уколы делать,— проворчала она, сердито посмотрела на дедушку и еще раз отругала его за упрямство. Я завел мотор.

— Ровнее веди, сынок,— напутствовал отец,— и поскорее привози дедушку.— И помахал нам рукой. Вечерело.

Всю ночь мы провели в дороге, осторожно прокладывая путь в темноте. Меж черными тучами изредка мелькал узкий серп луны. Он словно провожал нас до Руатоки, скудно освещая дорогу и контуры гор по сторонам.

Дедушка почти все время спал. Стоило ему пошевелиться, как тетушка Хираина приглядывалась, поправляла одеяла, спрашивала:

— Ничего не болит? Может, холодно, отец?— и в свете луны у нее на щеке блестели слезы.— Не хочу я, чтобы он дописывал родословную, ведь как только закончит, тут же...— она всхлипнула и закрыла лицо руками. Свет фар врезался в ночь, отгоняя ее от машины.

Хорошо, что рядом был Анару. Он расспрашивал меня о Веллингтоне, я его — о Ваитухи. Но и его клонило ко сну: глаза закрывались, язык уже заплетался.

За окнами машины ночь раскинула черное бархатное покрывало, рассыпала звезды. Огромная бездонная вселенная убаюкивала меня грустной колыбельной. Стало одиноко. Подумалось: кто я? Зачем я? Кому нужна эта родословная?

Как это кому?! Мне — чтобы почувствовать себя частью вселенной, чтобы никогда не знать одиночества. Я — лист древнего как мир дерева вакапапа и буду жить там до скончания веков. Во мне — все жившие до меня, во мне — все грядущие поколения. Меня не будет, но останется вечное древо жизни, и я в нем навсегда, и время мне не страшно.

Я всматривался в ночь, в сердце моем — колыбельная вседенной, но теперь не грустная, а радостная. И горы вокруг — это я, и звезды в ночи — тоже я, мы одно целое, нас не разъять.

Я взглянул на дедушку и прошептал:

— Прости меня.

Трижды мы останавливались — сделать дедушке укол, отдохнуть, поесть.

— Что ты ешь, дедушка?— спросил я.

— Это као,— ответила за него тетя.— Сушенный батат. Последние дни он ест только маорийскую пищу.

И снова в путь. Поблек лунный серп, посветлело небо. Дедушка начал бормотать — непривычно слушать, но меня вдруг пронзила гордость за него. Вот ему стала вторить тетушка Хираина, и полетели в предрассветное небо старинные имена.

Вдруг мне послышалось, что в их речитатив вторгся чужой голос. И тут же возглас дедушки:

— Нет, подожди! Еще не время! Подожди!

Мне стало страшно. Я прибавил скорость. Вот и Руатоки. Местечко небольшое, тихое, народу мало. Дедушка прикрыл глаза. Дышать все труднее.

— Куда теперь?— спросил я Анару.

— Только он знает,— кивнул тот в сторону дедушки.

— Куда ехать, дедушка?

Он не ответил, но память его напряженно работала — он внимательно осматривал каждый дом. Доехали до угла. Тут он велел повернуть налево. Я увидел дом, дверь открыта, на пороге тенью застыл старик. Помахал нам рукой, вышел на дорогу. Я остановил машину.

— Наконец-то!— заговорил старик с дедушкой.— Всю ночь тебя ждал, думал, ты раньше приедешь...— и он укоризненно взглянул на меня. Мы внесли дедушку в дом. Сейчас тот день кажется мне сном. Его трудно описать — нет ни начала, ни конца. Вроде все ясно и понятно, но пробуждаешься, и остается лишь череда ощущений, а сам сон забывается.

... Двое стариков за столом... Мягкая маорийская речь... Солнечные зайчики на стене... Ветер шевелит занавески... Натруженные дедушкины руки неотличимы от темного дерева

стола... Детский смех во дворе за окном... Анару записывает за дедушкой... Из старинных овальных рамок смотрят выцветшие фотографии... Из соседней комнаты доносится голос тетушки Хираины... Скрипит перо... Темнеет... Дедушке не хватает воздуха, его укладывают на диван... Приглушенные голоса, шорохи... Рядом кормят детей... Вдруг вспыхивает свеча в ночи... Старик хозяин ласково улыбается дедушке... Дремлет в кресле тетушка... Слипаятся глаза у Анару...

Но работа движется, близится к концу запись нашей родословной.

И чудится, что в комнате еще люди, люди из прошлого, они заглядывают через плечо, проверяют, правильно ли записывают старики. Ну вот и все. Работа закончена.

— Времени хватит пообедать?— спрашивает хозяин. Дедушка лишь качает головой, и тот все понимает.

— Хаэрэ, прощай, дружище. Скоро и я за тобой... Свидимся.

Они трутся носами, плачут. За окном снова ночь. Тетушка Хираина позвонила отцу и сказала, что мы трогаемся в обратный путь, в Ваитухи.

Далеко за полночь добрались мы до деревни. В дороге не останавливались, дедушке не терпелось домой. Ехали молча, слышалось лишь тяжелое, хрипкое дыхание. За поворотом на Ваитухи мы увидели, что площадь у Общинного дома ярко освещена. На дороге стоял отец и махал рукой. Вскочил на подножку, сказал, чтобы ехали прямо на площадь. Потом спросил:

— Ну, как ты, отец?

Дедушка улыбнулся, а тетушка Хираина, прослезившись, пожаловалась:

— Одно мученье с ним, уж как уговаривал отдохнуть — ни в какую!

— Отдохну еще, успею,— прошептал дедушка,— обождите чуток.

Я остановил машину. Несмотря на поздний час, нас вышла встречать вся деревня.

По щекам дедушки побежали слезы.

— Это еще зачем? Ишь что выдумали!

Мы несли дедушку сквозь толпу, и десятки ласковых рук тянулись к нему. Его поздравляли, благодарили. Но вот он встал на ноги — толпа смолкла. Ни слова не говоря, он махнул рукой Анару — подойди. Поднял высоко над головой книгу — вакапапа — и передал ее в дар деревне.

— Здесь все до единого имени.

Деревня ликовала — дедушка вернул нам наше прошлое!

— Пойдем домой, отец,— позвала тетушка Хираина.

— А я и так дома,— ответил он.

— Но тебе же нужно выспаться.

Он приподнялся и сел, тетя подоткнула одеяла, чтобы было теплее. Так дедушка и сидел перед Общинным домом, а вокруг — все его родные. Вот он повернулся к востоку, стал пристально вглядываться в небо. Он ждал.

Прошло несколько часов, ночь становилась все холоднее. Дедушка сидел не шевелясь. Порозовело небо, стала рассеиваться мгла. Толпа примолкла. Дедушка обвел нас взглядом, улыбнулся. Но улыбка получилась усталой.

— Ну вот, теперь я могу и отдохнуть,— и закрыл глаза.

— Отец!— закричала тетушка Хираина.

Из-за холмов вырвалось солнце и озарило площадь.

Золотая дорога удачи

Золотая дорога удачи

Вьется лентой и зовет нас вдаль...

Вот мы почти и доехали. Скоро Веллингтон — Изумрудный город. Я, папа, мама и Роха почти два дня добирались сюда на машине, что отец купил на прошлой неделе у мистера Уоллеса. Как новая, а какой гудок — заслушаешься! Сначала отец обещал посадить меня за руль, как только выедем из Ваитухи, но потом раздумал — около Варератас неожиданно заглох мотор.

— Говорила я тебе: не доедем мы на этой рухляди до Веллингтона,— ворчала мама, пока отец копался в моторе.

— Ничего, как-нибудь!

— На такой машине только самоубийцам ездить, а я хочу в Веллингтон попасть живой.

— Ты бы лучше часть нашего хлама выбросила,— посоветовал отец.

Машина у нас изрядно перегружена. Мама забила пожитками багажник, кое-что пришлось завернуть в брезент и привязать на крыше, а сколько вещей еще и на сиденьях!

Хватит тебе, мотор, чихать да кашлять. Еще один подъем — и мы в Веллингтоне. Машина слушается — медленно одолевает холм, не беда, что за нами выстроилась целая очередь, не беда, что машины позади недовольно гудят. Ишь чего! Дорога общая, для всех.

Вьется она желтой лентой, бегут по ней желтоглазые машины — чудеса! Точь-в-точь как в книжке, что мне мисс Райт подарила перед отъездом. Во какая интересная! Про соломен-

ного Страшилу и про Железного Дровосека, про Трусливого Льва и про Изумрудный город.

Еще немного, и мы приедем в наш Изумрудный город. Я нетерпеливо подпрыгиваю на сиденье — скорей бы увидеть сверкающие зеленые башни!

— Матиу, не крутись! — одергивает мама. — Как на иголках!

— Больше не буду, мам.

Жалко мне маму. И так-то ей тяжело живется, а тут еще пришлось родную деревню, родную вану Ваитухи бросить. Глаза у нее до сих пор красные — плакала, когда провожавшие махали нам вслед, издали смотришь — словно десятки флажков трепещут на ветру, становясь все меньше и меньше. Но Роха плакала куда больше, прощаясь с Хоне — со своим парнем. Раз я даже видел, как они обнимались. Вот дураки-то!

Я улыбаюсь старшей сестре: не тужи, Роха, в Веллингтоне парней хоть отбавляй, дай только приедем, а там целуйся и обнимайся сколько хочешь.

— Чего ухмыляешься, умник? — не понравилась сестре моя улыбка.

— А что, нельзя, что ли? — Мне даже обидно. — Хочу и ухмыляюсь!

— Ухмыляйся сколько влезет, только не кричи!

Я показываю ей язык. Ни один белый парень не захочет с такой ходить, узнает тогда! Ведь в Веллингтоне белых больше, чем в Ваитухи, не сравнить. Даже как-то не по себе. Я поворачиваюсь к отцу.

— Пап, а белые будут нас любить? А?

Он молчит, подавшись вперед, сосредоточенно следит за дорогой. Накрапывает дождь.

Будь я постарше да умей как следует водить машину — непременно сменил бы отца. Устал он.

Я прижимаюсь к нему, и он обнимает меня одной рукой. Лицо усталое, как и вчера, когда мы брели по дороге, искали гараж — у нас кончился бензин. Кругом на целые мили ни одного дома. Машины проносятся мимо, не останавливаются, некоторые еще гудят как сумасшедшие. Другие нарочно пылью обдают, и пассажирам нужно непременно обернуться, на нас по-

глазеть. А мы как дураки бредем по обочине.

— Почему они не останавливаются, а, пап?

Он лишь пожал плечами.

— Здесь другие порядки, сынок.

Как мне были противны все эти люди! Камнями б их забросал!

Ничего, приедем в Веллингтон, все пойдет по-другому. Мы будем счастливы, непременно будем. Разбогатеем, ведь в Веллингтоне — деньги. Молодец отец, что решил переехать. В Ваитухи мы бы вовек из бедности не выбрались.

Я откидываюсь на спинку сиденья и закутываюсь в одеяло. К вечеру похолодало, да и сквозняк в машине страшный. Нащупываю в кармане пакетик с леденцами.

— Хочешь, мам? А ты, папа? Так уж и быть, и тебе, Роха, дам.— Я протягиваю ей пакет, а она, жадина, берет сразу два. Я кладу леденец в рот, пересчитываю оставшиеся — семь.

Никогда еще таких дорогих леденцов не покупал! Вчера в магазине выложил целых тридцать центов — думал, продавец сдачу даст. Куда там! Как раз столько, говорит, они и стоят. Врет, наверное. Жулик несчастный. А если бы его так облапошили? Леденцы-то, надо сказать, дрянь. Каков продавец, таков и товар.

Вьется змеей дорога.

Вдруг впереди словно два огромных глаза, все ближе, ближе...

— Папа!— в ужасе кричу я.

На нас несется огромный грузовик, фары включены на полную мощность — точно глаза чудовища, сейчас протянет когтистые лапы и...

— Лихач! Чтоб ему пусто было!— ругается сквозь зубы отец, резко сворачивает, и грузовик, шурша шинами, с грохотом пронесется мимо, только ветер свистит вслед.

Мама даже в лице переменялась. Отец говорит мне:

— Боюсь, сынок, мне с баранкой только двумя руками справиться,— и снимает руку с моего плеча. Мне вдруг становится сиротливо. Вспоминается Ваитухи, наша ванау — на сердце тоскливо. Наша жизнь в деревне, наша корова Эмерэ — все позади. Хаэрэ ра, прощай, Эмерэ, хаэрэ ра, Хеми,

мой лучший друг. Я никогда не забуду тебя. И едва слышно я напеваю:

Золотая дорога удачи
Вьется лентой и зовет нас вдаль...

Этой песне научила нас в школе мисс Райт. Песня что надо! Мы выходили на спортивную площадку, брались за руки и плясали до упаду.

Что-то треснуло, захлопал на ветру брезент.

— Пап, что это?

Он ставит машину у обочины и выходит. Мама опускает стекло.

— Что случилось?

— Веревка лопнула!— кричит отец.

— Пойди помоги!— подталкивает меня мама.

Я выскакиваю из машины под дождь. До чего же холодно и слякотно снаружи! Отец борется с ветром, натягивает брезент, укрывает наши пожитки.

— Чертов хлам!— сердится он.— Никакой брезент не выдержит!— Хватает верхний ящик и швыряет на обочину. Из него падают книги, страницы белыми птицами разлетаются по ветру.

— Папа, не надо! Папа!

Это же учебники, а среди них — моя самая любимая книга. Самая-самая. И я выбегаю на дорогу.

— Сейчас же назад, Матиу!— кричит мне мама.

Моя книга. Ее мочит дождь и треплет ветер. Нужно подобрать, и я бегу к ней... Над самым ухом — скрежет тормозов. Но книга уже у меня в руках. Вот она. Пусть теперь ругают, бьют. Главное, я спас ее.

Мама больно шлепает меня.

— Что это тебе в голову взбрело?!

Ничего, пусть теперь ругают, бьют...

А водитель машины выговаривает отцу:

— Ты что, совсем спятил? Додумался, выпустил мальчишку на дорогу. С твоей колымагой здесь вообще не место. Смотри, как перегружена! Ехал бы по обочине! Эх, да что с тупо-

головым маори разговаривать! — Он садится в машину, рокочет мотор, и вот она уже исчезает во тьме. Подходит отец, лицо у него злое-презлое. Ну ударь меня, папа, ведь я же заслужил. А он, наоборот, обнимает и ласково спрашивает:

— Не зашиб он тебя, сынок?

— Что ты, папа! Прости меня... Этот водитель...

— А ну его к чертовой матери!

Крепко прижимая к груди книгу, я сажусь в машину. Мама снова принимается ругать меня.

— Тури, тури, успокойся, жена, — говорит отец, — все уже позади, забудь.

— Послушался бы Сэма, привязал бы вещи как следует, ничего бы не случилось, — не унимается мама.

Сэм — мой дядя, вчера мы останавливались у него переночевать. Он живет в Гастингсе. Удивился, узнав, что мы переезжаем в Веллингтон.

— Там такие ветры, что с ног свалят! Придется друг к другу веревкой привязываться, чтобы не унесло. А какие там холода!

— Пустяки! — сказал я. — Зато мы разбогатеем. В деревне больше не проживешь, верно, папа, ты так говорил?

Отец как-то странно взглянул на меня.

— С работой у нас плохо, — объяснил он дяде. — На сезон — пожалуйста, но мы с Хине намаялись, хватит с нас. И овец стригли, и фрукты собирали, весь юг объездили. А в Веллингтоне работы полно. Одних фабрик сколько!

— Кто тебе это сказал! — негодуяще воскликнул дядя.

— Джим.

Дядя Джим — брат отца — живет в пригороде Веллингтона, пока своего дома нет, мы остановимся у него.

Дядя Сэм лишь пожал плечами.

— Джиму виднее.

— Попробуем начать все заново, — продолжал отец. — Чтобы детям потом бедствовать не пришлось, как нам с Хине. Хочется, чтоб они выросли, не зная нужды. Последние силы отдам, а им отказу ни в чем не будет.

Я-то видел: не понимает дядя Сэм отца. Покачал головой, пожелал удачи. Наутро посоветовал крепче привязать брезент.

— А то и оглянуться не успеете, ветер под тентом хозяйничать начнет, и в Веллингтон вы не въедете, а влетите.

Отец накрепко, как мог, прикрутил брезент и спросил у мамы:

— Может, выбросим что-нибудь из старья?

— Это «старье» — все, что мы за долгие годы нажили, и выбрасывать я ничего не собираюсь, на ветер мне наплевать!

А ветер на дороге и впрямь сильный. По ночному небу, как летучие мыши, несутся облака. Ветер то стонет, то шепчет что-то, забравшись под брезент. Я закрываю глаза и затыкаю уши — убежать бы от голосов и видений ночи.

Вдруг все стихает, даже смолкает мотор.

— Вот он! — говорит отец.

Я открываю глаза. Вдали — огни Веллингтона.

— Вот красотища, да, мам?

Она молча смотрит на огни. Но радости на лице не видно.

— А как тебе, Роха?

Лицо у нее почему-то покраснелось.

— А тебе, пап?

Он смотрит на меня и улыбается:

— Вот ты и встретился со своей мечтой, сынок! — Заводит машину, и мы спускаемся с холма. Я смотрю то на маму, то на отца, то на Роху и ничего не понимаю. Почему они не радуются вместе со мной? Ведь здесь мы начнем новую жизнь, здесь сбудутся наши мечты, правда же, сбудутся? Я выглядываю из окна, вижу дорожный знак — УКЛОН. Сколько же этих знаков попало нам на золотой дороге! УКЛОН. СКОРОСТЬ ОГРАНИЧЕНА. ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ. ДОРОГА СУЖАЕТСЯ. БЕРЕГИСЬ ЮЗА. ПРОЕЗД ЗАПРЕШЕН. ОСТАНОВКА ЗАПРЕЩЕНА.

Как много знаков, и каждый что-то приказывает, запрещает.

Мне становится страшно.

Найдем ли мы дорогу, случись нам ехать обратно?

Я начинаю петь про себя. Совсе не от радости. Просто хочется самому поверить, что все будет хорошо. Правда ведь?

Золотая дорога удачи

Вьется лентой и зовет нас вдаль...

Эскалатор

Закончился пятчасовой сеанс, семья вышла из кинотеатра на улицу. Глаза не сразу привыкли к темной зимней ночи. На углу они остановились. Мимо непрерывным потоком двигались люди, сегодня пятница, можно и в магазины заглянуть.

— Ну что, пойдём домой?— предложила Мириама детям.

— Рано еще!

Мать ласково посмотрела на них и обратилась к мужу:

— А ты что скажешь, Пита?

— Я бы не прочь прогуляться, ноги после кино размять.

И они смешались с толпой.

Трудно пробираться машинам и троллейбусам по узким городским улицам. Ночь, сверкающие огни города — словно кто нарисовал люминесцентными красками по черному бархату.

Два дня назад семья приехала в Веллингтон на поезде из Гисборна повидать родственников. Дети впервые попали в большой город, поэтому нарядились как могли. Даже Пита снизошел: надел фетровую шляпу, выходные брюки, в вырезе пуловера расцвел яркий галстук. Мириама оделась как обычно: плащ, темный платок, в руках — неизменная холщовая сумка. Ничего праздничного.

— Держитесь за руки,— приказала она,— потеряетесь — ищи вас тогда. Это вам не Гисборн.

Вдоль улицы выстроились магазины, в ярко освещенных витринах — тысячи заманчивых вещей: одежда, мебель, драгоценности, красивые ткани, стереорадиолы и телевизоры, книги, меха, сладости, игрушки — несметные сокровища. А реклама призывала: Покупайте! Спешите! Идет распродажа, цены

самые низкие! А еще выше неоновой рекой лились доллары, мигали и искрились тысячи огней. Волшебная ночь!

Они стояли и зачарованно смотрели на витрины. Не беда, что все эти сокровища им недоступны.

— Во здорово!— не утерпел один из малышей. Он потянул мать к витрине универсального магазина: в голубом мерцании, среди золотистых и розоватых водорослей в подводном гроте плавали пластмассовые русалки с ярлыками цен на купальниках. В углу — сундук, доверху набитый блестящими часами. А из тьмы грота осьминог из папье-маше лениво тянул щупальца, унизанные алмазными браслетами. В зеркальной витрине они увидели и свое отражение.

— А зайти можно?— спросил сын.— Ну пожалуйста, папа, ну мам.

— Почему бы не заглянуть?— согласился Пита.

— Хорошо, давайте пойдем. Только ничего не трогайте,— предупредила Мириама.

Они прошли сквозь залитые светом вращающиеся двери и оказались в магазине — прохладно, работает кондиционер, в воздухе аромат духов.

— Вот это да!— Сына поразило величие магазина. Он тащил за собой мать по ковровой дорожке от отдела к отделу, они загляделись на разбросанные словно в беспорядке ожерелья и кольца за стеклом витрины. В обувном отделе посетители мерили туфли на высокой платформе, сапоги.

— Не отказалась бы от таких, а?— подмигнул жене Пита.

— Для овчарни не подойдут,— усмехнулась она.

Пошли дальше. За музыкальным отделом — галантерейный, за ним — мужская одежда. Мириама с интересом пощупала рубашку с ярлыком «уценено».

— Чем могу быть полезен?— спросил продавец.

— Да я просто смотрю,— Мириама покраснела и вместе с мужем и детьми отошла от прилавка. В бакалейном отделе они вместе с другими покупателями засмотрелись на механическую куклу — та сидела за столом и, держа нож в руке с наманикюренными ногтями, резала курицу. Потом они перешли в посудный отдел, где на вращающихся подставках кра-

совались хрустальные бокалы, тонкие узорчатые чашки, столовые сервизы с красивыми, словно из учебника истории, названиями.

Они немного задержались посмотреть, как работает цветной телевизор.

— А наверх пойдем?— спросил сын.

— Нечего там делать.

— Ну мам, ну пожалуйста.

Мириама колебалась. На втором этаже — все самое дорогое, изысканное, там ей бывать не доводилось, куда привычнее «дешевые» первые и полуподвальные этажи.

— Ну, пойдем же,— канючил сын.

— Так и быть, но только на минуточку.

Светящаяся стрелка указала им путь. И тут они увидели эскалатор, движущуюся лестницу, она поднимала покупателей на второй этаж.

Мириама и рта раскрыть не успела, как дети были уже на эскалаторе. Они визжали от радости и махали ей.

— Мам, давай сюда! Тут так здорово!

— Сейчас же вниз! Кому говорю!— крикнула Мириама. В испуге она схватилась за движущийся поручень. Он заскользил под рукой, Мириама вздрогнула и отпрянула.

— Разрешите пройти?— спросила какая-то девушка.

— Да, конечно, конечно. Простите меня.— Она отошла в сторону и пропустила покупателей. Те, ступая на эскалатор, оборачивались, а она растерянно теребила сумку.

— Да что с тобой?— удивился муж.

— Все эта лестница! Не поеду я на ней!

— Почему?— засмеялся Пита.

— Потому что потому!— прошипела она.— Скажи детям, чтобы вниз шли. Домой пора.

А дети махали ей со второго этажа. Она сердито погрозила им. Ишь чертенята, ничего не хотят понимать. Тут она заметила, что поодаль несколько человек наблюдают за ней. Ухмыляются. А покупатели, не задерживаясь, шли мимо, привычно вставали на эскалатор, поднимались на второй этаж, они даже не замечали, что едут.

Среди собравшихся зевак был и служащий магазина. Мириама встретила с ним взглядом и тут же отвернулась. Но страх в душе нарастал — сейчас подойдет и заговорит. Так и есть.

— Что-нибудь случилось, мадам?

— Нет, нет, все в порядке. Ничего не случилось.

— Ей просто не доводилось на такой штуке ездить,— объяснил Пита. Мириама зарделась.

— Не беда, я и так доберусь. Пешком.

Служащий улыбнулся.

— Да здесь ничего мудреного нет. Позвольте, я покажу.— Он взялся за поручень, ступил на эскалатор, проехал немного, проворно сбежал вниз.— Видите? Все очень просто. Попробуйте.

Мириама слабо улыбнулась. Вокруг собрались люди и терпеливо ждали.

— Давайте пропустим сначала их,— предложила Мириама.

— Не волнуйтесь, они готовы подождать,— ответил служащий и поманил ее к ступенькам. Она сердито сунула мужу сумку, испуганно взглянула вверх, куда уползала блестящая змея. Потом посмотрела вниз, увидела темные прогалы меж серебристых ступенек, казалось, блестящая лента вот-вот разорвется. Она уже протянула руку, занесла ногу и...

— Не могу!— вновь отпрянула она. От унижения даже слезы на глазах выступили. Пита взял ее за руку, повел прочь от эскалатора.

— Перестань меня позорить!— сквозь слезы прошептала она.— На глазах у этих пакеха!

— Как это я тебя позорю?

— Зачем ляпнул, что я никогда на такой лестнице не ездила? Нечего сказать, помог! Теперь каждый посмотрит и скажет: ну и дура!— Она вновь взглянула на эскалатор. Служащий все стоял там, но толпы уже не было, эскалатор освободился, все разошлись.

А вон и дети бегут, слава богу! Поскорее бы выбраться из этого проклятого магазина. Но тут она с тревогой увидела, что дети снова повернули к эскалатору. Визжа и хохоча, они

наперегонки понеслись по движущейся лестнице, расталкивая удивленных покупателей.

Она бросилась к эскалатору, закричала в отчаянии:

— Сейчас же вниз! Кому говорю!

Дети обернулись, увидели слезы у нее на глазах. Сын испугался.

— Что с тобой, мам?— и бросил взгляд на людей у подножья эскалатора.— Зачем вы маму обижаете?— крикнул он. Голос разнесся по всему магазину. Мириама попыталась улыбнуться недоумевающим людям, собравшимся вокруг. Она беспомощно озиралась — где же Пита? Вот он идет. Стало очень тихо.

— Видно, придется тебе все же рискнуть.

— Я хочу домой.

— Что, так и уйдешь с позором?— спросил он.

— Не все ли равно.

Муж лишь пожал плечами. Снова подошел служащий.

— Мадам, пользоваться эскалатором очень просто. Нужен только навык.

— Он как живой! И дернул же меня черт сюда прийти!

— Ну, полно вам. Ничего страшного не случилось.— И он снова показал, как входить на эскалатор. Собравшиеся вокруг тоже подбадривали Мириаму:

— Не бойтесь, голубушка, это пустяк.

— В первый раз я и сама вроде вас боялась.

— Один шаг — дальше эскалатор сам повезет.

— Попробуйте.

— Вот увидите, все получится.

Мириама стояла у эскалатора, руки и ноги не слушались. В глазах серебрятся слезы, а может, это серебряные ступеньки эскалатора? Она снова положила руку на поручень, испугалась, отдернула.

— Смелее, — прошептал Пита.

Кто-то из толпы, желая помочь, даже подтолкнул ее.

— Нечего меня торопить! Нужно будет, сама как-нибудь заберусь.

Люди вокруг замолчали, лишь смотрели и ждали.

— Нет, не могу,— прошептала Мириама, закрыла глаза и отступила.

Вдруг из-за спин собравшихся раздался голос:

— Что, в конце концов, здесь происходит?

— Да вот одна маорийка на эскалатор ступить не решается, боится.

— Что? Черт-те что! Так пусть не вертится под ногами, людям не мешает. Для таких вон обычная лестница есть. Идиотизм какой-то! Разрешите пройти, мне некогда.

Мириама гневно передернулась, словно током ударило. Идиотизм?! Значит, для таких, как она,— лестница, а не эскалатор?!

Гнев пересилил и слезы, и страх. Она шагнула вперед. Ее рвануло, качнуло в сторону, под ногами стали вырастать ступеньки, она схватилась обеими руками за поручни справа и слева и удержалась на ногах. Все выше и выше увозил ее эскалатор. Вдруг она с ужасом заметила, что резиновые поручни движутся быстрее, чем ступеньки.

— Держись! Родная моя, держись!— крикнул Пита, прыгнул на эскалатор и побежал вверх. Вот он уже рядом, крепко держит ее за руку.

— Мне так стыдно, Пита!

— Это еще почему?

— Что люди подумают? Засмеют ведь.

— Посмотри, убедись сама.— Он заставил ее оглянуться, но лица внизу сливались. Никто не смеялся. Многие уже разошлись. Служащий приветливо махал ей рукой.

Пита нежно обнял жену.

— Не понимаю, почему ты плачешь. Ведь ты же победила. Эскалатор поднял их на второй этаж, где ждали дети.

Вдогонку

Нет, вы только подумайте, он таки добился своего! Просто не верится: он, Джимми Джексон Херемаиа, — бакалавр искусств! Вот это да!

И по правде говоря, черная мантия с красной шапочкой ему даже к лицу. Хотя поначалу казалось, что у него глупый вид, словно чужое надел, — ишь ученый выискался! Хорошо, что из-под мантии не видно его длинных ног, сколько раз они подгибались от усталости, спотыкались, пока несли своего хозяина к степени бакалавра. Но теперь изнурительная гонка позади. Через несколько часов в городском муниципалитете ему пожмет руку глава университета — и финиш!

Кто теперь вспомнит, что он добирался до цели долгих шесть лет? Кто вспомнит, каких мук и лишений стоил каждый экзамен? Никто!

Джимми улыбнулся — в зеркале блеснули белые зубы. Он похож на черный воздушный шар с красной пуговкой на макушке — того и гляди лопнет. Сзади подошел отец, наблюдает — в зеркале все видно.

— Ну, как новая форма? Ты в ней словно летучая мышь.

Джимми подобрал полы мантии и, приосанившись, презрительно хмыкнул.

— Да уж получше твоей!

Отец легонько оттолкнул сына и сам встал перед зеркалом. Костюм, взятый напрокат, галстук бабочкой, коричневые туфли, перекрашенные по столь торжественному случаю в черный цвет, никто на него и не взглянет, вот беда-то. Он обнял Джимми.

— Я горжусь тобой, сынок. Очень горжусь. Много лет ты потратил, чтобы на бакалавра выучиться, мы уж с матерью рукой

было махнули, а ты взял-таки свое. Молодец. Повезло тебе, что в университет попал. Ведь умом-то ты не отличался.

— Весь в тебя, папочка.

Отец шутливо ткнул его кулаком в бок.

— Будь у тебя мой ум, ты бы бакалавром в два счета стал.

— Ценю твое чувство юмора.

— Да ладно. Главное, ты к своей цели пришел. Поздравляю!

Пора, давно пора.— Отец засмеялся и еще раз шлепнул сына.

Из соседней комнаты позвали:

— Сэм! Сэм Херемаиа! Поди сюда!

Джимми подтолкнул отца.

— Слышишь, хозяйка зовет!

Отец вздохнул.

— Сейчас будет просить, чтобы я этот чертов корсет затянул.

Джимми улыбнулся вслед отцу. Бедняга! Хотя и его самого в пору жалеть — ведь мать хочет, чтобы он теперь на степень магистра учился. Беда в том, что она ни в чем меры не знает. Сегодня хочет его магистром видеть, завтра еще что-нибудь придумает. Ну, это ее дело, вечером он навсегда распрощается со студенческой жизнью.

— Почему это вы, Джеймс Джексон Херемаиа, так и не остригли свои чудовищные патлы?— Вот и до него мама добралась. Стоит в дверях, поправляет чулок.

— Разве это патлы? Совсем не длинные.

— А я говорю — длинные! Да еще торчат в разные стороны. Ничего, сейчас мы порядок наведем. Марш к умывальнику! Где ножницы?

— Не надо, мам!

Она ласково смотрит на него и улыбается.

— Не бойся, не буду, сынок! А помнишь, как я тебя над умывальником стригла? Теперь разве заставишь?! Но согласишься, можно же чуть покорооче? Ну ради меня, а? А то приедем в город, люди подумают, я пугало огородное привезла.— Она подошла к сыну, пригладила вихры, но они упрямо и сердито топорщились.

— Хоть ты и пугало, а все равно молодец. Порадовал и нас, и всю нашу родню.— Она поцеловала сына, он обнял ее.

— Все-таки я пришел к финишу.

— Пришел, сынок. Хоть поздно, но пришел. Я прямо зажда-лась, когда ж ученым сыном похвастать смогу, а ты вместо трех шесть лет проучился. Я за эти годы состариться успела.

— Ты все равно красивее всех, мама!

— Еще бы!

— Сегодня на тебя все мои учителя заглядятся.

— Чтобы виднее было, я им всем фонарей понаставлю этим вот кулаком,— мать усмехнулась. Вдруг в дверь постучали. Джимми открыл.

— Вы — мистер Херемаиа? Вам телеграмма.

Джимми поблагодарил, вскрыл ее. Через плечо заглядывала мать — интересно, от кого бы это?

— Ишь любопытная,— подзадорил ее сын. Прочитал телеграмму и радостно улыбнулся.

— Что там?— спросила мать. Джимми протянул ей бланк. ИЗ-ЗА СОСЕДСКОГО ЗАБОРА ШЛЮТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ СВОЕМУ МАОРИЙСКОМУ СЫНУ РОДСТВЕННИКИ-ПАКЕХА ТЧК КРЕПКО ЦЕЛУЕМ ТЧК

ДЖЕК И САЛЛИ СИММОНС

— Джек Симмонс всегда говорил, что из тебя выйдет толк,— сказала мать.— Но, как и мы все, разве мог он подумать, что на это шесть лет уйдет?— Она взглянула на часы. Вошел отец, принес плащи.

— Пожалуй, пора идти,— продолжала мать,— мы с отцом целый день из Гисборна в твой холодный Веллингтон добирались, чтобы посмотреть, как нашему сыну будут вручать диплом. Так пойдемте же скорее, а то вдруг профессора передумают.— И, взяв друг друга под руку, все трое вышли из комнаты.

С вершины холма казалось, что над городом рассыпались изумрудные огни. Словно звездная тропинка пролегла от Млечного Пути до Веллингтона. У бухты огоньки в два ряда вели прямо к зданию муниципалитета.

Джимми выглянул из окошка машины. Смешно подумать: он — бакалавр искусств! Чего доброго, еще нос задерет. Шутки шутками, но ведь он и впрямь закончил университет.

Со школьных лет учеба казалась ему марафонским забегом, начал он с опозданием и сразу отстал от других. У тех и отличная экипировка, и хорошие тренеры, и поддержка трибун, то есть пап и мам. Он же, разутый-раздетый, топтался на старте. Хотелось домой, где все знакомо, привычно, где разговаривают на понятном языке, а не лопочут по-дикивинному, где жизнь течет спокойно, а не проносится мимо, сшибая с ног, — аж дух захватывает. В старой жизни царили согласие и гармония. Он был частичкой ее.

Выстрел стартового пистолета — и порвалась первая нить, связывавшая с прошлым.

В первом классе он терялся: не знал, что делать, куда идти. На уроках отмалчивался, запоминал все с трудом, хотя старался держаться вровень с другими, не по своей воле, а потому что надо. Но вышло так, что его товарищи единой группой устремились вперед, а он все больше и больше отставал. Где-то впереди слышались крики болельщиков, но подбадривали они не его, а лидеров. Кто станет болеть за последнего? Кому охота смотреть на бегуна, которому в этой гонке явно не место? Такого встречает молчание и равнодушие трибун, а то и насмешливый свист.

— Что, хори-маори? Ноги к земле приросли?

Он старался изо всех сил, порой удавалось настичь других неудачников, но тут на пути непременно вырастало новое препятствие, он падал и снова отставал.

Последний. В начальных классах он так и был в хвосте. Но к школе неприязни не питал, подружился с ребятами, и им весело игралось. А когда случалось быстро решить задачу или овладеть навыком, он даже бывал горд. Нет-нет и ему перепадало доброе слово болельщиков, иногда в пестроликкой толпе мелькала ободряющая улыбка. А как-то выдался удачный год и целых две четверти в их классе была учительница с седыми, слегка подсиненными волосами. Она всегда ставила Джимми хорошие оценки, часто незаслуженно. И хотя все равно оставили на второй год, он не особо печалился. Он готовился к рывку.

Новый год он начал куда прилежнее и увереннее, чем предыдущий. Во всяком случае, в этом забеге участвовали одни не-

удачники, и он был не хуже остальных. Но он не учел, что на этот раз условия бега жестче, а требования выше. И к этим требованиям он оказался не готов, хотя уже знал все свои недостатки. Он нуждался в поддержке, не просто в ободряющей улыбке со стороны, а в родительской помощи.

Но папы с мамой рядом не было. Бежать ему одному.

«С нашей помощью ты и что знал забудешь»,— сказал как-то отец.

Долго Джимми не мог понять смысл этих слов. А когда понял, стало невыносимо больно за родителей, будто ударили в живот.

Мама с папой отлично понимали, что к чему в их собственном мире. А в мире белых, в мире пакеха, гонку им не выдержать. В школе они не учились, едва умели писать по-английски, читали всего-навсего одну книгу, да и то по складам,— Библию. Говорили они на малопонятном английском, помогая себе малопонятными жестами. Неграмотность очень мешала им утвердиться, прочно встать на ноги, но поздно было что-либо изменить. В их мире уготована другая судьба: кочевать вместе с другими скитальцами с места на место, из одного закопченного промышленного города в другой, довольствоваться работой в ночную смену. Чем помочь сыну в учении, если он уже знал больше, чем они?

Раз нельзя повести за собой, можно подталкивать сзади. И они подталкивали не жалея сил, порой довольно жестоко. Еще суровее учителей отчитывали его за лень, тупость, неусидчивость, медлительность, за то, что он хуже всех в классе. Если его пороли в школе, то и дома ждал подзатыльник. Если учитель выговаривал за несделанную домашнюю работу, то дома его бранила мать. Однажды, когда она подняла на него руку, он попробовал огрызнуться:

«Все равно я больше тебя знаю. Это вы с папой тупицы, а не я!»

Мать рассердилась, схватила щетку и больно ударила его ручкой. Он заплакал, а она трясла его за плечи и с горечью приговаривала:

«Сопляк! Конечно, мы с папой неучи, я едва по складам чи-

таю, он едва ли знает, сколько будет дважды два. Сопляк! Об этом ты помнишь, а чей это дом, забыл? Да, да, твоих тупых родителей, что полжизни впроголодь прожили, об этом ты забыл? Думаешь, умным стал. Думаешь, все теперь знаешь. Да, видно, не все. И пока ума-разума не наберешься, будешь от меня трепку получать. И ничего, что мать у тебя глупая. Лишь бы ты умным вырос...» — Она всхлипнула, обняла сына, ярость прошла. Он старался успокоить ее. Похоже, понял.

«Прости, мам. Я буду очень-очень стараться».

Больше матери не пришлось прибегать к столь жестоким мерам.

Старался он и раньше, но теперь стал учиться еще усерднее. Когда подошло время переходить в среднюю школу, среди привычных оценок «удовлетворительно» стали попадаться и «хорошо». А однажды он даже заработал «отлично» по-английскому. Правда, потом снова съехал, и в дневник записали: «Джеймсу нужно больше заниматься английским». Гонка требовала непосильно много. Он почти поравнялся с основной группой и как никогда нуждался в поддержке.

И поддержка нашлась за соседским забором — Джек Симмонс. Долгое время отношения между семьями оставались натянутыми, но потом стали теплыми и дружескими, и уже никакой забор не мешал. Джек взялся заниматься с Джимми после уроков. Расширил кругозор мальчика, дал знания, необходимые, чтобы тот увереннее чувствовал себя на уроках. Джек пытался заложить основу, которой у Джимми никогда не было, знакомил с книжками, которых тот никогда не видывал, поощрял шаги, на которые тот не отваживался, развивал способности, о которых сам мальчик и не ведал. Джек познакомил его с миром пакеха, таким страшным на первый взгляд, таким непохожим на мир маори. Чувствуя крепкую руку Джека Симмонса, Джимми ощутил прилив сил — ему по плечу обогнать замыкающую группу. Но как же далеко еще до лидеров!

«Не грусти, сынок, — успокаивал отец, — хоть ты и запоздал со стартом, к финишу вовремя придешь. Как на прошлой неделе лошадь на скачках: все на нее рукой махнули, а она возьми да выиграй заезд. Так и люди, сынок. Одни быстрее стартуют,

другие — медленнее. А ты наберись терпения, глядишь, еще и самых быстрых обгонишь, они раньше выдохнутся».

Джимми улыбнулся воспоминаниям и украдкой взглянул на отца — тот вел машину. Наивный! Если даже кто и выдохался, то виду не показывал. Один за другим брали они барьеры учения, а он полз черепахой далеко позади.

И уж конечно, не очень обрадовали случайно услышанные слова учителя:

«Диву даюсь, ну что за бестолочи эти маори! Где у них ум, и есть ли он вообще?»

Гневно застучало сердце. А потом подумалось: может, прав учитель? Решил спросить у мамы.

«Чтоб он, собака, подавился этими словами! — вскипела она. — Пусть приезжает, мы с ним на нашем языке потолкуем, посмотрим, кто умнее окажется».

Но учиться-то ему в школе, а не дома. Мир, в котором жили мама с папой, столь манящий и привлекательный для праздных туристов, с миром гонки не имел ничего общего.

В один прекрасный день Джимми взглянул на себя как бы со стороны. Он — маори, и все неудачники, бегущие рядом, — маори. В старших классах они сбились в одну группу, их все время пытались вытеснить с дорожки — в классах для отстающих давали меньше знаний.

Мама не могла с этим смириться, настояла, чтобы ее сына перевели в класс способных учеников. Когда их с отцом пригласили на беседу к директору, ей впервые пришлось сражаться за интересы четырнадцатилетнего сына в открытом бою. В тот день они вошли в ворота школы, ворота неизвестного, пугающего мира белых. Но сейчас не время бояться. Не время скромно отмалчиваться. Сейчас они на переднем крае. И отступить нельзя.

«Вы, мистер Херемаиа, и вы, миссис Херемаиа, отлично знаете, что ваш сын на год старше своих одноклассников».

«Конечно, у Джимми позднее развитие».

«Мягко говоря. И вы считаете, что его нынешний уровень позволит ему справиться с трудным курсом для способных детей?»

«Осилит он его».

«В этом я как раз и не уверен. Я просмотрел его оценки и скажу вам откровенно, они не блестящи. Далеко не блестящи. Намного ниже среднего уровня оценок способного ученика».

«Мы знаем, но пусть сын попробует, он постарается».

«Боюсь, одним старанием здесь не возьмешь, нужны способности. Курс очень насыщен и труден даже для детей одаренных и, мне думается, совершенно не подходит вашему сыну».

«Вон что! А как можно по одним оценкам судить о человеке?»

«Миссис Херемаиа, я сужу о его способностях. Я бы настоятельно рекомендовал вам определить сына в группу, соответствующую его возможностям».

«В какую, например?»

«Мне кажется, у него неплохие руки, пусть учится какому-нибудь ремеслу и занимается в группе с общеобразовательным курсом. Там он найдет себя. Уверен, ему будет куда интереснее, правда, Джеймс? Все твои друзья в этой группе и...»

«Нет уж! Пусть сын остается со способными! Если бы хотела, он бы уж давно в общей группе учился».

«Не расстраивайтесь, миссис Херемаиа. Я просто хочу вам доказать...»

«Что доказывать-то? Что у моего сына есть руки и нет мозгов? Как вам только не стыдно! Думаете, я своего сына не знаю? Не стану я слушать, какой он никчемный. Не оставите в способной группе — найду другую школу, где примут. У нас образование для всех, изучай что хочешь! А вы отказываетесь учить моего сына вместе со способными. Ни стыда, ни совести!»

«Позвольте, миссис Херемаиа. Вы неправильно истолковали мои слова».

«Как ни толкуй, ясно, что у вас на уме».

«Но позвольте...»

«Не позволю! Мой сын останется в группе способных, хотите вы или нет!»

«Трудно с вами договориться, миссис Херемаиа. Почти все родители ошибочно считают, что знают, в чем благо их детей. Все верят в их гениальность, а гениальности-то и в помине нет».

«Я не говорю, что Джимми гениальный. Просто хочу, чтобы он учился со способными».

«Ну, что с вами поделаешь, миссис Херемаиа. Хорошо! Я разрешаю ему учиться в группе для способных детей. Но если вы все-таки передумаете, не стесняйтесь, скажите мне об этом. И предупреждаю: если Джеймс станет тянуть назад всю группу, я без малейших колебаний переведу его. Согласитесь, это будет справедливо. Работать ему придется не покладая рук, и дай бог, если ваша вера в сына окажется более оправданной, чем мои сомнения. К сожалению, я редко ошибаюсь в своих прогнозах. Что ж, посмотрим. Благодарю вас за визит. Всего вам доброго».

Беседа окончена. По дороге домой отец сказал:

«А может, директор прав, а, Милли?»

«И ты туда же! Не слушай его, сынок. Мы так легко не сдадимся! Ни за что!»

Следующие четыре года Джимми почти не встречался с директором, разве что по праздникам да на проверочных уроках. Случалось, директор, проходя мимо, видел его на спортивной площадке или в коридоре. Он неизменно хмурился и отворачивался. Джимми боялся его и все ждал: вот-вот вызовет. Знания и впрямь давались огромным трудом и накапливались медленно. Иногда, в минуты отчаяния, ему даже хотелось, чтобы пришел директор и одним мановением руки покончил с этой непосильной гонкой.

«Не могу больше, мам!»

«Чтобы я не слышала «не могу»! Ты обязан, понимаешь, обязан получить аттестат».

Все реже и реже за эти четыре года видел он своих прежних друзей. Как пятнадцать лет исполнится — уходят из своих «общеобразовательных» групп и, конечно, идут работать, становятся «черной костью». Джимми все больше отдалялся от них и все больше завидовал и тосковал. Для них школа всегда была тюрьмой, и им не терпелось вырваться на свободу. Гонка для них на этом кончалась.

«Мам, а все мои друзья школу бросают».

«Ну и что?»

«Мне ведь уже пятнадцать».

«Тоже бросить хочешь? Пока не получишь аттестат, и думать не смей! Никуда не пушу! Ясно? Ясно тебе, Джимми?»

Друзья отдалялись от него, а он — от них. Уроки отнимали все больше времени. Жизнь с каждым днем становилась все сложнее, и мир детства, мир папы с мамой, отходил на задний план. Отдых, развлечения — не для него. Некоторым ученикам-маори удавалось сохранить прочную связь с домом, его же связывала лишь тонкая ниточка. Все силы он отдавал гонке. Бежать приходилось все быстрее и быстрее. Чужой и себе и домашним. А все ради аттестата.

Аттестат у матери — это навязчивая идея. Как волшебная палочка: сын сразу из голытьбы да в люди выбьется. С аттестатом он не пропадет. С этим драгоценным клочком бумаги ему откроются двери, наглухо закрытые перед его родителями. С аттестатом он — хозяин жизни.

«Не могу больше, мам, сил нет!»

«Сможешь, поросенок ты этакий! Сама тебя за руку в школу поведу! Ни за что не позволю бросить! Ни за что на свете!»

Прошло три года, а он по-прежнему плелся в хвосте. На четвертый удалось подтянуть английский, историю и географию, но по остальным не успевал. А еще через год впереди непреодолимым барьером выросли выпускные экзамены. И Джимми ударился в панику. Он и так страдал, что учится хуже всех, не верил в свои способности, приходил в отчаяние, что не в силах взять этот барьер. И жить стало совсем тошно. Бросить бы все. Совершить, что ногу сломал. Или нервы сдали.

Все-таки он пошел на экзамен, хотя знал заранее, что провалится. Но мог ли предполагать, с каким треском?

«Ну вот, мам, конец».

«Конец?! Это моим силам да терпению конец. Еще раз повторю: не уйдешь из школы, пока эту чертову бумажку не получишь. Хоть десять, хоть двадцать лет сиди в выпускном классе, но аттестат чтобы был, хочешь или нет».

И она снова отправила его в выпускной пятый класс. Учиться все равно было трудно, но он заметил в себе необъяснимые перемены. Нервное напряжение сменилось доселе неведомой уверенностью. Мысль работала четко, появился определенный ритм, Джимми бежал все быстрее и быстрее. Он ушел с последнего места, обогнал примерно треть одноклассников. А в конце

года с отчаянной решимостью бросился на штурм последнего препятствия — экзамена на аттестат. Вот где снова открылось второе дыхание. Резкий толчок, прыжок, он взлетает вверх, задевает планку, но все-таки берет барьер! 200 очков — минимум для получения аттестата.

Трибуны взрываются криком, он, пошатываясь, встает, сердце вот-вот выскочит из груди. Но на душе легко.

«Молодец, сынок!» — похвалил отец.

«Поздравляю!» — приветствовал Джек Симмонс.

«Вот и слава богу!» — облегченно вздохнула мать. Некоторое время он приходил в себя, потом решил искать работу.

«Даже и не думай», — сказала мать.

«Но я же кончил школу, мама!»

«Вот именно — школу. Пора и об университете подумать».

«Ну, так высоко мне не прыгнуть».

«Ничего, взял один барьер, возьмешь и другой. Опыт уже есть. Держись. Вот закончишь подготовительный класс, добьешься права в университете учиться, тогда делай как знаешь».

«Но то же самое ты говорила перед экзаменами на аттестат».

«Мало ли что! С тех пор много воды утекло».

Все рождественские праздники Джимми готовился к поступлению в шестой, подготовительный класс — после него принимали в университет. Как-то в библиотеке он встретился с директором школы.

«А, Херемаиа! — узнал его тот. — Помню, помню, ваши родители приезжали ко мне, чтобы решить ваше будущее. Разговор был не из приятных. Не могли бы вы им передать, что я извиняюсь, правы оказались они, а не я».

«Передам, сэр».

«Впервые я ошибся. Ну что ж, поздравляю вас. Чем собираетесь заняться?»

«Вернусь в школу, сэр».

«Неужели?»

«Мама хочет, чтобы я закончил подготовительный класс».

«Ну, ну. — Директор рассмеялся. — На этот раз я ее отговаривать не стану. А то снова впросак попаду. Успехов вам, Херемаиа!»

После рождества он вернулся в школу. В подготовительном классе учеников маори, кроме него, не было, и снова его уровень оказался самым низким — в подготовительном учились лучшие из лучших. Но то, что не удавалось взять способностями, он брал необычайным упорством. Стиснув зубы он продолжал бег. Лишь бы не отстать, лишь бы хватило сил. Он убеждал себя: столько уже сделано, могу же я еще немного, еще чуть-чуть. И заставлял себя весь год, старался вовсю. Но на одном старании экзамен не сдашь...

«Хватит, мама! Надоело без конца срезаться!»

«Киа каха, крепись, сынок».

«До старости, что ли, в школе сидеть! Мне уже восемнадцать. Все, гонка закончена!»

«Только на мою жалость не рассчитывай. Вспомни свои слова, тогда поймешь почему. Глупые у тебя родители, верно?»

«Мам, что ты от меня хочешь?»

И она дала волю своему сердцу.

«Хочу, чтобы ты все отдал учебе! И даже больше! На меньшее не согласна! Не согласна!»

И он снова пошел в подготовительный класс. Год назад он работал много, почти одолел все учебники, теперь нужно было закрепить победу. Он начал заниматься без суеты и спешки, и первый раз в жизни учеба показалась интересной. Самое главное — ему захотелось учиться. Преподаватель английского языка, маленький человек в очках, научил его смотреть дальше школьной программы, открыл перед ним новые горизонты, пробудил мысль. И Джимми стал заниматься не потому, что надо, а потому, что хочется. В конце года оценки оказались высокими — это ли не достижение. И вступительный экзамен в университет уже не казался таким страшным. Джимми мощно оттолкнулся, высоко прыгнул и легко, с запасом, преодолел этот барьер.

«Помнишь, я говорил тебе,— сказал отец,— одни стартуют быстрее, другие медленнее, не беда, к финишу все равно успеешь».

У матери радостно сияли глаза, она даже прослезилась.

«О каком финише речь?»— спросила она.

«Мам, ты уж больше ничего не придумывай».

«Это не финиш, сынок, это только старт».

«Вот что! Сама сказала: «Получишь аттестат — дальше можешь не учиться».

«Да, было такое».

«Потом ты сказала: «Вот окончишь подготовительный класс — делай как хочешь».»

«Все верно. Можешь дальше не учиться».

«Ой, что-то не верится! Ты бы тогда так не радовалась».

Она не ответила, лишь отвернулась. А когда повернулась вновь, по щекам бежали слезы.

«Чем же ты будешь заниматься? Кем станешь?»

Ему вдруг вспомнился последний экзамен — как легко он взял этот барьер. В высоком прыжке увидел он весь пройденный путь и то, что ждет впереди... впереди...

«Опять твоя взяла, мама!» — вздохнул он.

До сих пор его понуждали бегать, чуть не силком гнали вперед. А сейчас? Сейчас он уже и сам не может остановиться. И не хочет. Снова отодвинулся в далекую неизвестность финиш. Но он непременно узнает, что там — за горизонтом, он непременно добежит.

Тепло и нежно улыбнулся он матери.

«Ну и хитрющая ты. Ловко вокруг пальца меня обвела. Разве после этого тебя глупой назовешь? Ну хоть сейчас-то довольна?»

«Была б довольна, сынок, не плакала. Уедешь ты, а я по тебе скучать буду. Оттого и плачу».

Он уехал в Веллингтон и поступил в университет. Было это шесть лет назад. Как он тосковал по дому, как ему было одиноко! Он стал искать поддержки у родственников да среди студентов-маори. Вступил в маорийский клуб — не хотелось лишь пассивно наблюдать, как живет его народ, впрочем, ниточка, связывавшая их, становилась все тоньше. В университете можно было бы заниматься антропологией или историей маори, но он не стал. Несмотря на тоску по дому, он чувствовал, что мир папы с мамой — в стороне от гонки. А бежит он уже давно, менять направление поздно.

А гонка изматывала, и, несмотря на все старания, он не сдал ни одного экзамена на первом курсе. Он тяжело переносил свое поражение, пробудилась ненависть к университету. Но он скорее сдохнет, чем бросит учебу!

На втором году он осилил два экзамена. На третьем — его более одаренные товарищи уже получили степень, а он все тащился позади. Неужели ему не догнать их?

Он трижды подряд заваливал историю, встречая преподавательницу на улице, глаза на нее не смел поднять. Вспомнил, как удивилась она первому в своей практике студенту-маори. За три года она разочаровалась в нем — так отворачиваются болельщики от своих недавних кумиров, терпящих неудачу за неудачей.

Но он продолжал бег. Всю жизнь подчинил гонке — не только лекционные часы, но и свободное время. Он спотыкался, падал, но упрямо рвался вперед. Еще шаг. Еще два. Вот целый круг позади. Вот преодолен еще один барьер.

Уже показалась финишная ленточка, шесть лет учился он в университете, и наконец он у цели.

— Слава богу, кажется, целыми-невредимыми доехали,— облегченно вздохнула мать. Вечно она недовольна, как отец ведет машину. Слишком быстро, особенно здесь, в Веллингтоне, где на улицах полно народу.

Джимми выглянул в окошко. Вот и финиш, долгожданный финиш. Он улыбнулся матери, а она — ему. Потом тоже засмотрелась на огни вечернего города.

— Вдруг сейчас дождь пойдет — вся моя прическа насмарку.

— Не бойся, не пойдет.

Она подтолкнула сына:

— А может, и к лучшему было б. Глядишь, дождь бы твои патлы чуточку уложил.

Джимми рассмеялся и поддразнил:

— А ты, мам, подумала, что с папиными ботинками станет?

— И то верно,— согласилась она.— Вся черная краска слезет. И чего отец выдумал перекрашивать?

— Поздно сейчас об этом говорить,— вставил отец.

Джимми неотрывно смотрел вперед. Вон сверкает огнями здание муниципалитета — словно маяк в ночи. У ярко освещенного подъезда толпятся люди. Подумалось: так вот, значит, как встречают победителей.

Чаще забилося сердце. Почему так медленно отец ведет машину, почему так долго выбирает стоянку?

— А зачем торопиться-то? Гонка уже позади.

Наконец поставили машину за городской библиотекой, хотя стоянка там запрещена, и влились в толпу идущих к муниципалитету.

— И почему ж я в мехах не приехала?— усмехнулась мать.

— Откуда у тебя меха-то?— фыркнул отец.

— Был бы заботливым мужем, настрелял бы мне опоссумов на шубу.— И с гордостью посмотрела на сына.— Ничего, мне скоро Джимми меха купит, правда, сынок?

Они постояли у входа — матери не хотелось сразу идти в зал. Она слегка оробела. Джимми даже стало неловко за нее. Но тут он увидел других выпускников, стал здороваться, знакомить их с родителями.

— Очень приятно познакомиться, мистер Херемаиа, миссис Херемаиа.

— Нам тоже очень приятно.

— Молодец у вас сын. Мы своим Робертом тоже гордимся.

— Да, Джимми молодец.

Его охватила радость. Он с родителями проталкивался сквозь толпу — вокруг счастливые, улыбающиеся лица, и ему хотелось взлететь высоко-высоко. Все! Финиш! Не нужно никого догонять.

Вдруг мать вскрикнула и рванулась в сторону. Джимми оторопело смотрел ей вслед — она перебежала улицу и бросилась к небольшой группе людей. Они увидели ее и стали махать, звать.

Отец улыбнулся и сказал:

— Мамины родственники. Подойдем к ним.

Они пересекли улицу. Родственников было четверо: старуха, мужчина с женой и сыном. Мать по очереди обняла каждого, расцеловала.

— Как вы здесь очутились?— спросила она.— Вот уж не ожидала. Какой сюрприз!

— Это все моя матушка,— ответил мужчина, указывая на старуху.— Захотела на внуков, на своих мокопуна полюбоваться. Ты знаешь — на детей Ватене. Они теперь в пригороде живут.

— Да и наш пострел все в Веллингтон просился,— перебила его жена.— Новый фильм посмотреть. Беда с ним! А тут, видим, народ. Вот и подошли. Ты по этому случаю, Милли, и разоделась? Ишь модница.

Мать засмеялась. Подозвала Джимми.

— Познакомься, Джимми, это мои родственники, ты их еще не видел.— И она представила мужчину, его жену и сына. Потом подвела Джимми к старухе.— А это наша бабушка. Двоюродная сестра твоего дедушки.

Старуха, терпеливо стоявшая рядом, улыбнулась. Худая, в черном платье, на плечи накинут платок, лицо морщинистое, а глаза — большие, лучистые. Она наклонилась к Джимми, прижалась лицом к его лицу, поцеловала в губы. Джимми почувствовал на своих щеках ее слезы. Но вот она отошла, вытерла слезы, что-то прошептала матери.

— Крепко нашей маме достанется,— сказал отец,— за то, что столько лет тебя бабушке не показывала.

Джимми стал прислушиваться к разговору женщин. Мать с гордостью взглянула на него.

— И бабушка гордится тобой, сынок. Я рассказала ей, как ты учился.— Она снова подтолкнула его.— Он у нас молодец. Сегодня диплом получает.

Бабушка кивнула и еще раз поцеловала Джимми. Мужчина с женой и сыном тоже стали поздравлять его. А старуха пристально вглядывалась ему в лицо — ни убежать, ни спрятаться от пронзительного взгляда.

— Ох, ох,— вздохнула она.— Ка паи э тама. Ка паи. Куа у неи кое ки тена таумата о те матауранга.— И легкая тень сомнения мелькнула у нее в глазах.

— Простите,— смутился Джимми,— я не понимаю. Я не знаю маорийского языка.

Взгляд старухи ударил точно кнутом. Он отвел глаза — на другой стороне улицы, у входа в муниципалитет, толпа все росла. Потом он перевел взгляд на мать, на отца, на родственников — они стояли в тени, яркий свет фонарей до них не доходил.

Близкие ему люди и такие далекие. Это и его мир, и уже не его. Сколько лет отняла гонка! В конце концов он догнал своих товарищей. Он много обрел, но много и потерял.

Снова он посмотрел на старуху. Она взяла его за руку, будто утешая, крепко, но ласково сжала своей.

— Что поделать! — прошептала она сурово. — Что поделать! Все равно — с победой тебя, сынок!

Братья

Я торопился на лекцию по истории. Меня окликнули. Я приложил руку козырьком — нещадно слепило солнце, — на площади перед библиотекой стоял Пита. Я опаздывал, поэтому лишь помахал ему. Но он побежал навстречу.

— Слава богу, наконец-то нашел тебя. Весь университет обегал. Пойдем скорее.

Лицо у него блестело от пота. Только миновав кафе, в окнах которого метались и дробились солнечные блики, я спросил:

— Куда мы?

— В воскресенье умер Кинги. Пошли, времени мало, по дороге все расскажу.

КИНГИ? КИНГИ? КТО ТАКОЙ КИНГИ? У МЕНЯ НЕТ ЗНАКОМЫХ ПО ИМЕНИ КИНГИ. ИЛИ ЕСТЬ? КИНГИ.

Казалось, от жары улица раскалилась добела. Ни ветерка. Природа затаила дыхание — страшно вбирать в себя раскаленный воздух. Далеко внизу — университет стоял на взгорье — в душном мареве дрожали и расплывались очертания стеклобетонных громад — учреждений, сливаясь воедино, точно блестящая капля олова под гигантской паяльной лампой. Будто огромное, сверкающее легкое, огибавшее гавань, вздымалось и опадало — город дышал тяжело, натруженно. Пыхтя и отфыркиваясь, мчатся по улицам и автострадам машины. Дробно стучат отбойные молотки, ухают стенобитные машины — удаляют древние дома, торчащие словно гнилые зубы. Льется нескончаемый людской говор, то тут, то там всплеснет криком или смехом. Забираясь на гору, изредка постанывает фуникулер. Прислушаешься и услышишь дыхание тысяч людей. Вдох — выдох, вдох — выдох!

Манящую голубизну неба вспорол белый след реактивного самолета. Серебристую гавань бороздят буксиры.

С пригорка мы нырнули в тень деревьев, росших по обеим сторонам ощерившейся, точно пасть, каменной лестницы — спуска Девы Марии, а впереди сливался в блестящее пятно город. Внизу, у подножия, остановилась отдохнуть девочка. Устала, запыталась. Солнце, просвечивая сквозь решетчатую ограду, расчертило квадратами и ромбами ее спину. Дышала девочка тяжело, неровно. Вдох — выдох.

Кинги? В воскресенье? Может, кто из моих знакомых? Почему я его не помню?

Мы долго шли меж высоких зданий, безжалостно врезавшихся в небо. Еще на лестнице Пита начал путано, сбивчиво объяснять:

— Он в пятницу вечером домой с вечеринки возвращался... Да, вроде с вечеринки... Странная компания подобралась... В общем, довезли его до дому, стал он выходить, и тут его такси сбило... Сзади наехало... Он умер в больнице...

Мы прошли мимо девочки, она печально улыбнулась. Дальше — по Булкот-стрит, позади осталась каменная балюстрада с витиеватым орнаментом. На перекрестке мы остановились — горел красный свет. Светофор смотрел на нас в упор, не мигая. Вот зажегся зеленый.

— Мне его сосед по квартире позвонил, — продолжал Пита, — Дейв, что ли, его зовут. Тоже чокнутый какой-то. Наверное, Кинги ему мой телефон дал. Давно уж мы с ним не виделись. Ну, а как Дейв позвонил, я сразу к нему. Потом стал всех, кого знаю, обзванивать. Вчера дядя Хепа приехал, он Кинги домой, в Тэ Куити отвезет. Но сперва здесь, на Уэбб-стрит, панихиду отслужат. Скоро уже начнется. А тебя-то, я думал, уже и не разыщу.

— Да, я уезжал на выходной.

— Я так и понял. И вчера вечером тебе звонил, и сегодня утром...

Вдруг Пита страшно закричал. На дороге, прямо в поток машин, метнулся юноша.

— Он что, спятил? — Пита был вне себя.

А юноша, смеясь, точно вальсировал перед несущимися машинами, шаг вперед — в сторону.

— Ох, допрыгается! — зло бросил Пита.

Заскрежетав тормозами, замер троллейбус. Движение приостановилось, раздалось сердитые гудки. А юный нарушитель, все так же смеясь, покинул место происшествия.

Я живо представил: смеющийся парень выбегает на дорогу, навстречу, слепя фарами, — такси. Удар, скрежет, хруст — столкнулись жизнь и смерть, — скрип шин, звон разбитого ветрового стекла, визг тормозов, в ярких огнях рекламы — взметнувшиеся руки, ноги. На виске юноши распускается алый цветок, крови все больше.

Я зажмурился. Пита истолковал это по-своему.

— Да, я тоже сам не свой ходил, как про Кинги узнал. Все не верилось. Я знал, что тебя это тоже тронет.

ТРОНЕТ? ТРОНЕТ СМЕРТЬ КАКОГО-ТО КИНГИ? А почему это должно меня тронуть? Я не знаю никакого Кинги.

На перекрестке, вновь ожидая зеленого света, собралась толпа. Вдох — выдох, люди ждут.

— Часы есть? — спросил Пита.

— Да. Семь минут одиннадцатого.

— Черт, ну и пекло. Может, пива выпьем?

Я пожал плечами.

— Нет, не стоит, — передумал он, — а то некому будет встретить тело у церкви. Не оставлять же Кинги одного.

Щелкнул светофор — толпа как стадо ринулась вперед, люди толкались, торопясь перейти улицу. Среди этих измученных жарой, усталых и равнодушных людей шли и мы с Питой. Перейдя на другую сторону, мы зашагали быстрее. Под навесами на тротуаре было тенисто и прохладно. Ветровые стекла машин, точно зеркала, отбрасывали солнечные зайчики.

В центре города, в его чреве, урчало, пищало, ревело. Магазин пластинок сотрясался от рок-музыки, шуршанье и визг тормозов сливались с разноголосым говором толпы. Жара только усиливала эту какофонию, эту многоголосую оперу без мелодии и ритма. Хаос звуков.

По дороге Пита говорил без умолку. Перескакивал с одного на другое. Иногда замолкал и вопросительно глядел на меня.

— Что ты все молчишь, как пень? — не выдержал он наконец.

А что мне говорить, Пита? Можно ли горевать о человеке, которого не помнишь и, скорее всего, не знаешь?

Солнце вновь дохнуло нестерпимым зноем, и улица в страхе замерла. Но на Кубинской набережной шум и суматоха праздновали победу.

Багровые, потные, иступленные лица. Из громкоговорителя несется какая-то однообразная музыка — словно шарманку завели. У водопроводной колонки, визжа, прыгали дети, брызгали друг на друга — капли алмазными звездами падали на землю.

По тротуару, огороженному флажками, непрерывным потоком двигались люди — из магазина в магазин. На скамейках, щурясь от нестерпимого солнца, отдыхали пенсионеры. Город живет, город дышит. Вдох — выдох.

Вдруг Пита оторопело заморгал: навстречу плыло непонятного пола существо огромного роста со змеями на голове — ни дать ни взять Медуза Горгона. Оно величественно шествовало со своей свитой к бару.

Миновав Верхнюю Кубинскую, мы попали в мир жалких лавчонок и не менее жалких людей. Теперь и последние напоминания об их былой жизни были выставлены на продажу. Будто при погребальном обряде, отделяя мир усопших от живых, выстроились шкатулки, флаконы духов, одежды самых разных цветов, матрацы, подушки, всевозможные притирания и благовония, портьеры, драгоценности, часы с алмазами, мебель в темных пятнах, книги с золотым тиснением, звериные шкуры, ржавые инструменты — спутники уютного и безбедного прошлого.

Торопливо проталкиваясь сквозь толпу, Пита бросил:

— Мы почти пришли.

Свернули на Уэбб-стрит.

— Будем надеяться, все приятели Кинги соберутся на панихиду. Воображают себя «богемой», и зачем только Кинги с ними связался! Правда, среди нас, маори, он всегда особ-

няком держался. Знаешь, как его старики из-за этого переживали! Только ради них его дружки могли бы поехать на танги — похороны — завтра. Сегодня после обеда Кинги на самолете отправят.

Вот и церковь. Маленькая, красного кирпича, службы только по воскресеньям, да и то наверняка каждого прихожанина зазывать приходится — люди охотнее идут в кино, на танцы, на вечеринки. Смерть нарушила привычный распорядок, сегодня — панихида.

— Никак мы раньше всех,— удивился Пита.— Ну да не беда. Нам тогда и брата встречать. Просто не верится, что он умер!

Брата? Кинги — мне брат? Господи! Нет у меня брата Кинги! Нет!

Куда бы спрятаться от жгучего солнца, многоголосого города? Где найти уединение и покой? Куда бы убежать? Но мы стоим неподвижно, засунув руки в карманы, а жизнь вокруг бурлит, и мы ее пленники.

Над головой пророкотал самолет. С шумом проносились легковые машины, грузовики, вихрем пролетел сверкающий никелем мотоцикл, седок в шлеме с большим козырьком застыл за рулем, неестественно выпрямившись, словно кузнечик-богомол. По размякшему асфальту, смеясь, прошли две девушки, смех врзълся в раскаленный воздух, сливался со звуками их маленького приемника, включенного на полную громкость. Своем промчалась «скорая помощь», на крыше у нее тревожно и требовательно мигал красный огонек. Вдалеке на музее Доминиона пробили куранты, покушаясь на и без того редкие мгновенья тишины.

Мы ждали. Говорить не хотелось. Ну когда же, когда? Вдох — выдох. Эту церквушку и не найти. Люди станут искать, спрашивать:

— А где это на Уэбб-стрит церковь?

— Вы не спутали улицу? Там, помнится, никакой церкви и нет.

Друг, брат, не проходи мимо, мы здесь, присмотрись, стоит руку протянуть — вот и церковь, мы уже ждем.

Пита тронул меня за плечо. Улица вдруг примолкла. И из наступившей тишины вынырнули четверо. Пита пошел навстречу, поздоровался. Подвел их ко мне. Спросил одного:

— Ты, Равири, знаком? Это наш родственник.

Тот крепко пожал мне руку. Я поздоровался и с остальными, молча, без улыбки. Хлынул новый поток машин, и улица вновь загудела, задрожала.

Как? И это тоже мои родные? Старик с ласковой улыбкой? И те, кому я подал руку? Неужели я все-таки знал Кинги?

Мы стояли, сбившись плотной кучкой — тихий островок среди разбушевавшейся городской стихии, — и вполголоса переговаривались. Нас пятеро, и мы вместе. Равири спросил:

— Ты учился с Кинги в университете?

— Я и сейчас еще учусь.

— На одни лекции с ним ходили?

— Трудно сказать. Я, видите ли...

Мой собеседник повернулся к товарищу.

— Самое ужасное, что я встречал его на улице, но толком не знал, что это и есть Кинги. А как по радио передали, что его задавило, так я понял. Ауэ, горе-то какое. Так сразу понял.

— Жаль парня, — подхватил другой. — Двадцать два года всего. Жить бы да жить. А тут нá тебе...

— Вот беда, не знаешь, где его дружков искать. То здесь, то там. А через минуту, глядь, и след простыл. И где они околачиваются?

— Может, в пивной? — щелкнул по горлу третий.

— А то и в тюрьме, — мрачно пошутил его товарищ.

— Паэ каре, сейчас не до смеха, — сказал Равири, — чем скорее мы соберем людей на панихиду, тем лучше. А видишь, как все оборачивается? Тела-то еще нет.

Я молча стоял в стороне. Значит, Кинги учился в университете. Был одним из нас, но которым? Не так уж много студентов-маори.

— Вы близко знали его семью? — спросил кто-то у Равири.

— Я с его отцом на фронте был. Хепа — голова, понимал, что к чему. Кинги, должно быть, в него пошел.

— Он, кажется, на последнем курсе учился.

— Да, по радио так говорили,— кивнул Равери.— На последнем... На последнем...

В уличном калейдоскопе мне видится лицо. Лицо, не раз мелькавшее перед глазами за последние три года. То в тиши университетской библиотеки, то за окном кафе — по стеклу стекают блестящие струйки дождя, то в сигаретном дыму шумной вечеринки. Запоминающееся лицо. Мужественное, волевое. Лишь в уголках неулыбчивых глаз затаилась нежность. Грустное лицо, точно с полотен Россетти.

Таким я вспомнил Кинги. Говорили мы с ним лишь однажды, да и то как чужие.

Я случайно увидел его в столовой. Народу было много, но он был за столиком один. Я подсел к нему. Он даже бровью не повел, только предупредил, что занял места для друзей. Я сказал, что управлюсь с кофе за пять минут. Он лишь пожал плечами и закурил. Хотя держался он недружелюбно, мы разговорились. Постепенно исчезло его деланное равнодушие и высокомерие. Он оказался общительным и веселым малым. Но вот подошли его «друзья».

— Пока, встретимся как-нибудь,— сказал я и отошел.

Он кивнул.

Кто-то из его компании спросил:

— Где ты эту деревенщину откопал?

За столом рассмеялись, но ответ я все же расслышал:

— Так, один знакомый.

Я обернулся. словно пестрокрылые стервятники слетелись на добычу и рвут, рвут когтями живую душу. Больше мне не удалось поговорить с ним.

Позже я узнал, что благодаря своим артистическим способностям Кинги стал вхож в круг «богемы», людей циничных и корыстных в общении. У них был кумир — преподаватель, известный своим нигилизмом, утонченным сарказмом,— это считалось признаком блестящего ума. Кинги был одним из его многочисленных любимцев, и он ревностно следил, чтобы юноша не отходил от их компании. Этот круг избранных, взлелеянных своим создателем, теперь лелеял его самого.

Чужакам доступ был заказан. Молодую «элиту» объединяла уверенность в полном превосходстве над «толпой». Юные ниспровергатели хотели бы переделать по-своему всех, они насмеялись и глумились над каждым, прежде чем решить, достоин ли он участвовать в их изощренных забавах.

Однажды мне довелось попасть к ним. После спектакля «Доктор Фауст» по Марло они собрались за бутылкой вина. Их вождь — университетский преподаватель — сидел с бокалом в руке и, когда я проходил мимо, воскликнул:

— Какая честь! Вы только посмотрите! Его величество Маори!

Вся свита захихикала. Пестрые костюмы. Яркий грим — многие только что играли в спектакле, — маской скрывающий лица.

— Что вы сказали? — в ярости прошептал я.

Он чуть повел бровью. Точно актер на сцене, готовящийся к монологу. Вот повернулся к кулисам, где внимали каждому его слову.

— Смотрите-ка, оно еще по-английски говорить умеет, — с деланным удивлением произнес он, высокомерно улыбнулся и картинно скрестил руки на груди. Рядом я заметил Кинги, он, видно, страдал оттого, что не мог мне помочь. Наши взгляды встретились: подай же руку, друг, выручи.

Но тут вмешался хозяин дома и отвел меня в сторону.

— Молодец, что пришел, я боялся, что не успеешь.

Вечеринка продолжалась. Скоро я ушел. На прощанье улыбнулся Кинги. Было грустно — видно, нам не сблизиться.

Ведь это был ты, Кинги? Знал ли ты, что мы братья?

Да и правда ли это? Как жаль, что я не ведал об этом.

Лавина звуков и тихая скорбь слов. Солнце безжалостно бьет в глаза, огненным клеймом прижигает мозг.

— У него было много друзей, — доносится чей-то голос.

— Да, много, — отзывается Равири. — Но все они белые, пакеха. — И он смотрит на меня. — А ты с ним дружил? Близко его знал?

Слова застревают в горле, разбухают, а потом растворяются в чудовищном рыке города.

— Что ты говоришь?— переспрашивает Равири. Улыбается, выжидающе глядит на меня, но тут же взгляд скользит дальше — он увидел священника.

— Ну и денек!— тот подходит поближе. Белый воротник потемнел от пота. Мы поздоровались. Рука у него тоже была потная. Мужчины посмеялись вместе с ним какой-то шутке. Потом он пошел отпирать церковь — медленно открылись двери.

В это время на выжженную солнцем улицу черным пауком вполз катафалк. Вдох — выдох. В горле — комок. Стучит в висках. Вот-вот расколется голова. Катафалк остановился у церковной стены. Вдох — выдох.

Во чреве катафалка — деревянный гроб. На крышке — со вкусом разложенные, будто на витрине магазина, венки из цветов.

Снова перехватило дыхание: из машины, пришедшей следом, на залитую солнцем площадь вышел старик. По очереди обнял каждого из четверых мужчин. Пита шепнул:

— Это дядя Хепа. Жаль старика.

Измученное старое лицо, но руки крепкие, объятие — словно стальной обруч! Хотя и в самом объятии — неизбывное горе. Как поддержать его, ободрить, но собственные руки налились свинцом.

— Я очень вам сочувствую,— пробормотал я,— очень сочувствую.

Он кивнул, не вслушиваясь, потом спросил:

— Ты из университета?

— Да.

— Пришел проститься с моим сыном? Поможешь внести гроб в церковь, хорошо?

— Знаете, по правде говоря, я не знал...

— Твоя помощь пригодится. И этим ты окажешь мне честь.

— Да, да. Конечно.

Нести Кинги было совсем не тяжело. Брат мой, я так и не узнал тебя по-настоящему... С помощью троих мужчин мы с его отцом сняли гроб с катафалка, медленно, под пристальным, немигающим взглядом солнца прошли в церковь.

Прочь, свет, прочь, городской шум. Здесь не слышно дыхания города. Здесь спокойно. Тихо. Пахнет ладаном. Стены холодные, сырые.

Прости, Кинги: я не могу оплакивать тебя — мы не знакомы.

Прости, что я — чужак — сейчас иду рядом. Прости, брат.

Пол натерт до блеска, мы долго идем меж пустых скамей с высокими спинками. В церкви темно, лишь сквозь цветные витражи окон просачивается свет. Поблескивают лаком темные панели стен, скамьи. Покачиваясь, гроб плывет в темноте, точно лодка в ночной гавани. Иногда по крышке пробегают красные, янтарные, голубые блики — лучи солнца, прорвавшиеся сквозь цветные витражи. Благословение, посланное небом. А потом вновь мрак. Вперед, медленно и плавно, вот и причал — с легким стуком опускаем гроб у алтаря.

Мы стояли вокруг, а Равири и священник раскладывали венки. Вдруг отец Кинги зарыдал. Церковь ответила ему горестным эхом.

— Ну, успокойся, Хепа,— прошептал Равири и повел старика к выходу. За ними пошли и остальные. Каждый шаг гулко разносился в церкви. Все дальше и дальше, я пошел было за ними, но дверь уже закрылась, и глухое эхо долго не умолкало в темноте.

Я остался один. Я и Кинги. Конечно, можно было бы выйти, но я не пошел. Присел на скамью рядом с гробом. Дотронулся до гладкой деревянной крышки.

Вот мы и вместе, одни среди пустых скамей. За стеной — шум, крики, суета. А здесь — тянутся к своду колонны с каннелюрами, будто руки, отводящие беду.

И под этими сводами я вдруг услышал свой голос — мне мучительно захотелось поговорить с Кинги.

Я шепотом поведал ему о своем детстве: о счастливых годах в деревне, где рядом столь привычные горы и море, дорогие сердцу. О том, как привольно, словно птица, носился я по зеленым, как нефрит, лугам. Ведь таким же было и его детство, пока не унесло нас необоримыми заморскими ветрами в город. Тяжко было расставаться с домом, тяжело браться за учебу. Вокруг все пугающе незнакомое.

Я рассказал ему о своих страхах, о том, как к городу было трудно привыкнуть, о том, как сердце сжималось от тоски. Мне хотелось говорить и говорить. О том, что, случись нам узнать друг друга ближе, мы, возможно — не наверняка, а лишь возможно, — смогли бы помогать друг другу гасить вражду, молнией вспыхивающую то здесь, то там в мире, где мы — пасынки. А поодиночке мир белых нас победил, обескровил, мы забыли родной дом и с готовностью приняли веру пакеха — веру белых.

Я говорю с Кинги, а за церковными стенами жарко дышит город. Болит душа, но теперь уже не от жалости к самому себе: я распутал клубок, все понял. Вернулись Пита и Равери. Они занимают мое место, а я иду к двери, открываю ее.

Солнце резануло по глазам, ослепило, в уши молотом ударил городской шум. По щекам побежали горькие слезы, растопив маску равнодушия и отчуждения.

Кинги, я скорблю о том, что не знал тебя. Поэтому я плачу. Я нес твое тело, но сердцем я оставался чужим. Чужим сидел у гроба. Но вот я заговорил, и мне открылась собственная душа. Еще и поэтому я плачу. Оплакивая тебя, Кинги, я оплакиваю и себя.

Ведь мы же братья.

Ты и я.

Братья.

«Я, Озимандиас...»

Сегодня я видел Вилли Боя...

...— Давай прокатимся,— предложил мне Глин. Я согласился. Дел у меня не было, я только что дочитал «Засуху» Дж. Г. Балларда, работать меня не очень-то тянуло. Думал, посмотрю телевизор или уговорю Джен бросить стирку и — прыг вместе с ней в постель. На это надеяться почти не приходилось: у Джен — строгий распорядок, я в ее послеобеденном расписании не значился.

— А Джен не будет против?— спросил Глин.

— Скорее всего нет,— ответил я.

— Увезите его, Глин, да подальше,— вступила в разговор Джен,— а то он здесь только под ногами путается. Так бы в стиральную машину вместе с трусами и сунула!

Я легонько шлепнул ее, она показала мне язык.

— Когда вам его вернуть?— спросил Глин.

— Хотите проверить, скоро ли соскучусь?— улыбнулась она.

Я поцеловал Джен, хотя она, конечно, не заслужила. И мы с Глином пошли к машине.

— Куда поедем?— спросил он.

— Твоя машина, тебе и решать,— пожал плечами я.— Может, за город? Подышим свежим воздухом. Кстати, где-то около Аппер Хатт новая пивная открылась.

— Как? И нас даже не предупредили?— Глин выпучил глаза и облизнулся.— Так вперед!

Не помню, о чем мы говорили, выехав из Веллингтона. Вечно мы болтаем о пустяках, повседневных мелочах — все тут же забывается. Наверняка ораторствовал я, а Глин, как всегда,

слушал. Он вообще молчун, из-за этого мы с ним так долго сходились. Нас одновременно призвали в армию, вместе мы и служили. Но у него были свои приятели, у меня — свои. Когда много людей вынуждены жить вместе, невольно, особенно на первых порах, каждый ищет себе подобных. Увереннее себя чувствуешь, есть на кого положиться.

Только к середине службы мы с Глином начали болтать по-приятельски. Раньше мне бывало трудно заговорить с пакеха, с любым белым. Но Глин отличался от всех. Остальные не любили слушать — разве маори что путное скажет! Говорили сами, может, боялись; дай нам рот раскрыть, мы такого наговорим! Кто их знает. А мы с Глином научились понимать друг друга с полуслова. Он меня и с другими белыми ребятами познакомил. Теперь многие из них — мои приятели. А не просто пакеха. Раньше я и не представлял, что могу с ними сблизиться. Настолько, что даже жену себе выбрал белую.

Скорее всего я не помню наш разговор в дороге потому, что увидел в тот день Вилли Боя и после думал уже только о нем, перед глазами неотступно его лицо. Порой вдруг всплывает старое воспоминание, не столько старое, сколько забытое. И уходишь в него все глубже и глубже, как в сон, но сон этот проступает все отчетливее, реальнее, а явь отходит на второй план, подергивается дымкой забвения. Словно раздваиваешься: жизнь вчерашняя перемежается с сегодняшней, и явь уже неотделима от воспоминаний. Так и с Вилли Боем. О чем ни подумаю — он тут как тут, куда ни взгляну — всюду его лицо.

Будто на одном экране показывают сразу два фильма, один накладывается на другой. На фоне дороги, по которой едем мы с Глином, лицо Вилли Боя. По нему бегут придорожные дома, холмы, пустыри. Он здесь, хотя в памяти моей он далеко. Он здесь, точно каменное изваяние — страж пустыни.

— Неплохое местечко,— хвалит Глин. Мы пьем уже по второй кружке пива, по телу разливается тепло. Народу в пивной много. Некоторые лица вроде знакомы. Скорее, по каким-нибудь вечеринкам. Но большинство я вижу в первый раз, впро-

чем, они друг друга — тоже. Как и в армии, здесь все держатся обособленными группами: маори за одним столом, пакеха — за другим, аборигены с островов — за третьим. Вроде все вместе, но каждый в своем углу. Исключение лишь мы с Глином да еще несколько человек.

— Мне, видно, с пивной кружкой разговаривать придется,— пожаловался Глин.

— Прости, сегодня я собеседник никудышный.

— То-то тебя жена из дома выпроводила.

— Но-но, полегче. А я еще думал, что среди пакеха добрые попадаются. А копнешь — так ничем от маори не отличаются.

— Например, я?— поддразнил Глин.

— А чем ты лучше? Хотя тебя враз не раскусишь. Я, как выяснилось, и по сей день тебя не знаю.

— Тебе, конечно, виднее.— Глин помолчал.— Ну что, может, еще по одной опрокинем?— Он указал на пустую кружку.

— А чья очередь платить?— спросил я.

— Твоя.

— Тогда, пожалуй, не стоит,— засмеялся я.

Мы пошли к машине. Глин все шуточно тыкал меня кулаком, я отвечал, мы затеяли кулачный бой. Раззадорившись, мы и не заметили, как невдалеке вспыхнула настоящая жестокая драка, кулаки молотили изо всех сил. Это сошлись двое, сидевшие в разных углах.

Поехали обратно в город. Голова плыла, хотя я отчетливо помню, что смотрел на унылые, однообразные дома и думал, трудно ли живущим там столь разным людям общаться, и общаются ли они вообще. Живут они в одинаковых квартирах, одинаковой жизнью, хочешь не хочешь, а придется ладить с соседями. Весь мир — один большой дом, мы все в нем — соседи. Поэтому самое главное — мир и согласие. Важнее быть ничего не может. А сходиться с людьми всегда нелегко. Например, маори с белыми, с пакеха. Каково мне пришлось, пока я не встретил людей вроде Глина или моей Джен. Она женщина энергичная, деловая. Пришла, увидела, победила. Когда так внезапно берут в плен, не успеваешь задуматься о том, что вас

разделяет, видишь только то, что сближает. Немногое поначалу, но постепенно все больше и больше складывается союз двоих, уважающих взгляды и мнения другого, даже не совпадающие с твоими.

О чем еще я думал тогда в машине, о чем говорил с Глином — не помню. Сейчас перед глазами лишь лицо Вилли Боя, в разбуженной памяти — разрозненные воспоминания о проведенных вместе днях. Безыскусной была наша дружба, безграничным — доверие. В целом наша жизнь не отличалась от жизни других мальчишек, а отношения — разве что простотой и трогательным прямотушием. Это нас и сближало. Впрочем, простота проста лишь на словах. Оглядываешься на прожитое и видишь укатанную дорогу, ни выбоин, ни ухабов. Все беды и невзгоды прошлого сглаживаются в памяти. Когда мы встречались, то не тратили время на осторожную разведку или пустую словесную перепалку, прежде чем понять и принять друг друга, найти общий язык. К чему осторожничать, кого опасаться, если каждый из нас чувствовал себя с другим спокойно и уверенно, как за каменной стеной. Может, еще и поэтому так поглотили меня воспоминания. Сама природа вокруг нас была спокойная и добрая, как и Вилли Бой. Но сейчас не припомнить отчетливо тех мест, перед глазами лицо Вилли Боя.

Вилли Бой. Как с первых дней моей жизни в Веллингтоне рядом был Глин, так когда-то, в далекой прибрежной ванау Ваитухи — я и по сей день считаю ее домом родным — рядом со мной был Вилли Бой. Он неразрывно связан с той жизнью, ее духом, который он свято берег. Вилли Бой — и словно время пошло вспять, сегодняшний день сменился вчерашним, и я уже не в Веллингтоне, а в Ваитухи. И минувшие годы, ушедшая дружба не чета теперешним — враз потускнела моя новая веллингтонская жизнь.

— Разве мы не домой? — спросил я Глина. Машина свернула на незнакомую дорогу.

— Хочу тебе кое-что показать. Для расширения кругозора.

— Что же именно?

— Увидишь.

Я лишь пожал плечами. Смотреть особенно не на что.

— Это тюремная ферма,— показал Глин.

От неожиданности я даже привстал.

— А где же сама тюрьма?

— Чуть дальше по дороге. Но туда не пустят. Да и отсюда все видно.

Вытянув шею, я стал всматриваться. Впереди сгрудились несколько домов, ничем на первый взгляд не примечательных. Неужели это тюрьма, разочарованно подумал я.

— А где же стены с колючей проволокой? Где же охрана?

— Начитался ты комиксов,— усмехнулся Глин,— а исправительные учреждения разные.

— Исправительные учреждения! Ну и название!

Глин засмеялся.

— Скажешь, непонятное? Одни — для опасных преступников, другие — для мелких. В этой сидят только те, у кого первая судимость. Порядки здесь новые. Некоторых заключенных даже отпускают на воскресенье домой. А в будни они работают на ферме. Там и свинарник, и коровник, и чего только нет. Их и профессиям разным обучают, техническим, например. Пригодится, когда на свободу выйдут.

— Хорошо, учту.

— Напрасно иронизируешь. Забыл, как трудно самому было на первых порах в Веллингтоне. Тебе это оказалось по силам, другим — нет.

Слова его отозвались скрежетом тюремных дверей. Мне вспомнилось смиренное, безропотное лицо двоюродного брата, приговоренного к тюремному заключению. Будто сидеть в тюрьме для маори — непреложный закон жизни.

— Пива я перепил, вот и несу вздор.

Пива перепил. Как порой легко прощаем мы себе бездумно брошенные слова. Тут я заметил: впереди, на обочине, столпились около грузовика люди. Мы подъехали ближе — они грузили в кузов мешки. Наша машина поравнялась с ними. И дернул же меня черт рассмеяться:

— Смотри-ка, Глин! Ни полосатых балахонов, ни кандалов!

Что я увидел в этом смешного? Ведь я же смеялся просто так! Теперь стыдно вспомнить. Смех этот я себе не прощу и не забуду.

А стыдно мне стало оттого, что, всматриваясь в заключенных, я вдруг увидел его. Он шел с мешком спиной ко мне, все такие же, как и в детстве, узкие плечи. Вот закинул мешок в кузов, тыльной стороной ладони вытер пот со лба. Повернулся. Рука невольно отдернулась от лица.

Вилли Бой. Здесь. В тюрьме. И он видел, как я смеялся.

Порой кажется, что время остановилось. И на черном экране памяти вспыхивает какой-то эпизод. Может, на секунду, на две, но успеваешь прожить, прочувствовать все с прежней ясностью, от начала до конца.

И вот, будто в темном кинозале, на экране появляется лицо Вилли Боя. Он медленно-медленно поворачивается. Проводит рукой по лбу. На смуглое с оспинами — точно из выветрившегося гранита — лицо ложится тень. Во весь экран — его глаза. Стоп-кадр. Пусть застынет в них удивление. Не хочу видеть, как оно сменится стыдом: я, друг детства, и вижу его в таком месте.

Вновь и вновь вглядываюсь в его глаза.

Вилли Бой. Не может быть!

Встаю, подхожу к самому экрану. Вот вспыхнул и погас огонек у него в глазах. Мне невыносимо жаль его. Я протягиваю руку, хочу утешить. Но моя рука — лишь тень на экране. Кружатся пылинки в луче проектора, сыплются секундами в песочных часах. И я вижу детство, наше детство, я спрашиваю: «А помнишь?..»

Прости, Вилли Бой. Я смеялся вовсе не над тобой. И по сей день ты мне друг. Помнишь, мы поклялись, что будем дружить всю жизнь? В тот день мы убежали с уроков на речку. Вода холодная, спокойная, как зеркало. Но вот ты нырнул и разбил его вдребезги. Мы ныряли, гонялись друг за другом под водой, все видно — солнечные лучи доставали чуть не до дна. Прятались то под затопленным бревном, то под ветвями склонившейся к самой реке ивы. А потом мы поклялись друг другу в верности. Слова прыгали по воде, словно маленькие плоские камешки.

Честное слово, это едва ли не лучший день в моей жизни. Помнишь, Вилли Бой, как нам потом попало от нашего учителя мистера Коллинза? Мы ушли с уроков, соврав, что заболела мама, но он не поверил, позвонил ей, и та сказала, что не видела нас с утра. Отвели мы тогда его палки. А еще пришлось учить этот дурацкий стих про Озимандиаса. До сих пор начало помню:

Я встретил путника,
Он шел издалека...

Лучше бы всыпал нам еще, чем заставлять зубрить. Но чаще мы пропускали уроки безнаказанно. Однажды решили съездить в Патутахи, посмотреть новый фильм. На автобус мы опоздали, и ты предложил: «Давай поймаем лошадь, вот и доедем!» Так мы и сделали. Взяли кобылу старика Краддока, я еще спросил, где седло. А ты удивился: на что, мол, оно? Разбежался, прыгнул ей на спину, я — следом, и мы понеслись прямо по небу — облака в тот день были очень низкие. Я даже помню, как картина называлась — «Земля фараонов». Вот была жизнь в те времена!

А помнишь день рождения у Бада Таматэа? Мы остались у него ночевать, пили пиво. Бад захмелел. В тот вечер я первый раз закурил. До чего ж пакостно! А потом Бад стал рассказывать о привидениях, в окно светила луна, шуршали на ветру ветки деревьев.

Он еще похвастал, что спал с Харатой Макссуэлл из пятого класса. Помнишь толстуху Харату? Да, Бадди совет — недорого возьмет. А может, и не врал. Видели же их на лужайке за Общинным домом. В тот день к нам приехала футбольная команда, а потом устроили танцы. Сейчас Харата уже замужем, еще толще стала. А каков-то Бадди? Я его уже сто лет не видел.

Вилли Бой, ты был самым близким моим другом. Мы все делали сообща. Даже шпаргалки на экзаменах, ты — чаще, но какая разница, мне шпаргалки вообще были не нужны, я был способный. Математика давалась легко, английский — тоже. Даже в радость был.

Но больше всего я любил естествознание. Помнишь, раз Брайан Уилсон притащил в класс дохлого кролика, чтобы разрезать и посмотреть. Вонючка жуткая! А мистер Коллинз сказал: «Давайте его сейчас закопаем, а в третьей четверти достанем кости, свяжем проволокой, и будет у нас скелет». Мы все считали, сколько дней осталось. А время пришло — копали, копали, так ничего и не нашли. Ты еще пошутил, что сам выкопал его, когда есть захотел. Я, конечно, все понял. Да, разыгрывать ты умел.

Случалось, мы дрались. Но потом, вспоминая об этом, лишь смеялись. Мы росли как братья. И когда я думаю о тех годах, я первым делом вспоминаю тебя. Уехал я из Ваитухи, закрутила меня жизнь, запырило время все воспоминания.

Наверное, мы тогда оба понимали: уеду я из Ваитухи, и годы, точно волны, сомкнутся над нами. Разговора на прощанье не получилось. А говорить на языке сдержанности и осторожности друзьям не пристало. Может, мы оба пожалели, что давали клятву на реке? Но клятва есть клятва, и я верен ей поныне.

Как жил ты эти годы, Вилли Бой, как жил я? Конечно, мы изменились со временем, но мы же узнали друг друга. Неужели не разорвать нам череду лет, разлучивших нас?

Года два назад я встретил бывшего одноклассника и спросил: «Ну как там Вилли Бой?» Кто это? Он забыл тебя. И меня-то вспомнил, лишь когда я назвался.

Вот это-то самое страшное: что тебя не вспомнят, что не вспомнишь ты. Будто и не жили мы никогда на свете. Будто и не было Ваитухи нашего детства. Будто все наши радости и горести никому, кроме нас, не нужны.

Вилли Бой.

Смех комком застрял в горле.

— Ты что это? — удивился Глин.

Я хотел помахать рукой.

Вилли Бой поднял глаза — он постарел, посерел.

На мгновение мне почудилось: мы снова стоим рядом, я смотрю ему в глаза, в них — мягкий солнечный свет. Вдруг солнце гаснет, гаснет. И в глазах у него уже стыд.

Он быстро отвернулся, сделал вид, что не заметил меня. Но я-то знал — заметил.

Я опустил руку, так и не помахав.

— Ты что-то хотел сказать?— переспросил Глин.

Я закрыл глаза.

— Да нет, ничего. Просто показалось, знакомого увидел,— пробормотал я. Глин даже, наверное, и не расслышал. Впрочем, это все равно.

— Для нас здесь дорога кончается,— сказал он и остановил машину у щита с надписью: «Посетителям надлежит отметить-ся в комендатуре». Потом развернулся, чтобы ехать в город.

Я все думал о Вилли Бое. Что случилось с тобой, друг? Почему мы стали другими?

Ответа я не находил. Весь мир вдруг представился мне пустыней, повсюду — обломки памятников с непонятными надписями. Расшифровав их, я получу ответ на все вопросы. Но я лишь путник, случайно набредший на каменное изваяние — стража этой пустыни; лицо его в шрамах и трещинах от палящего солнца и песчаных бурь. Так и стоит он, подвластный всем стихиям.

Вилли Бой. На обратном пути я снова увидел его. Глин уступил дорогу грузовику и съехал на обочину, подняв клубы пыли. Вилли Бой в упор посмотрел на меня. Был он совсем рядом и в то же время недоступно далеко. Он смотрел на меня через толщу лет, из-за песчаных барханов времени. Губы сурово сжаты, в глазах — гнев. Вот он с презрением улыбнулся, зло рубанул рукой воздух.

И, сотрясая земную твердь, рухнул каменный страж. Тишина. Лишь ветер гонит песок. Мимо остатков изваяния. Мимо других обломков. Дробится лицо статуи. И это уже лицо не Вилли Боя, а мое собственное.

Мы возвращаемся в город. Я смотрю в окно, но вижу лишь ухмылку Вилли Боя и его презрительный жест.

Ночью я снова и снова вспоминаю все события дня. Заснуть не удастся, видно, придется моей Джен смотреть сегодня сны в одиночку. Уже в десятый раз фильм прокручивается в моей памяти. Плохо смонтированный, прошлое попеременно с на-

стоящим, мелькают лица. И проектор не слушается: изображение то расплывается, то раздваивается, лицо Вилли Боя прыгает по всему экрану.

...Я смотрю на него из окна машины, он — на меня и видит: я смеюсь.

Опять крупным планом глаза. В них мелькнула искорка — он узнал меня. Мелькнула и погасла, теперь в глазах стыд, а теперь — злоба и презрение.

...Мы едем мимо него. Я оборачиваюсь, а он, Вилли Бой, смотрит вслед, его фигурка становится все меньше.

Вне себя от горя и отчаяния я рвусь назад, к нему, хочу остановить фильм, крикнуть: «Мы по-прежнему друзья, Вилли Бой!»

Но моим желаниям не сбыться. И я прокручиваю фильм сначала. И происходит непонятное. На экране, как и прежде, Вилли Бой, но в нем я вижу себя. Свои глаза. За клубами пыли. И с каждым разом все отчетливее звучит стихотворение, которое мы вызубрили в наказание за пропущенные уроки. В тот день мы купались в реке, и солнечные лучи пронзали толщу воды. Отдельные слова, бессвязные и неприкаянные, вертятся в памяти. На экране — Вилли Бой, а голос за кадром бубнит этот дурацкий стих — аккомпанемент к моему немому фильму:

Я, Озимандиас...

Сегодня я видел Вилли Боя. И ничего важнее нет.

Турнир начинается

Во время работы меня позвали к телефону. Из Ваитухи звонил отец.

— Приедешь домой на пасху?— спросил он.

— Не знаю. Сiju сейчас без гроша. Может, дашь немного взаймы, а?

— Взаймы?— рассмеялся отец.— Да это все равно что на скачках ставить на первую попавшуюся лошадь — денег назад не жди. А я-то думал, ты разбогател в своем Веллингтоне.

— Мне это не грозит. Ну, что у вас там в деревне новенького?

— Да вот хоккейный турнир скоро. А в нашей команде игроков не хватает. Приехал бы, выручил.

— Что ж ты сразу не сказал?! Ясное дело, приеду, и деньги для такого случая найдутся.

— Может, еще кого из приятелей захватишь? Раз я говорю, игроков не хватает, считай, полкоманды нет.

— Ладно, постараюсь. Ну, до скорой встречи!

В тот же день я предложил Джерри Симмонсу поехать со мной на пасху в Ваитухи. Мы с ним друзья, он — пакеха, белый, в хоккей играет отменно.

У нас хоккейный турнир будет. Его маорийцы каждый год проводят. Сначала хоккей, потом — регби. Со всего восточного побережья команды съезжаются, и мужские и женские. Разные призы разыгрывают. Например, старинный щит, он нам от бабушки достался.

Надо ж, настоящий турнир!— удивился Джерри.

А что, и по теннису, и по регби. Но хоккейный турнир — самый главный. И в этом году он в моей родной деревне проводится.

— И много будет команд?

— Не знаю. Понимаешь, раньше это всегда было большим событием. А сейчас хоккеем в наших краях меньше стали увлекаться. Конечно, все турнира ждут не столько из-за того, чтобы в хоккеем поиграть, а чтобы просто вместе собраться. Не так уж часто удается. Ночью после турнира поют народные песни, танцуют. В общем, приедешь — увидишь сам.

— А разве мы уже договорились?

— А разве нет? Ты же знаешь, денег на дорогу мне не найти, а свою машину ты мне не дашь. Вот и выходит, что тебе меня в Ваитухи отвезти придется.

— Ишь какой быстрый! Обдумать все надо.

— А какая у меня там сестра — закачаешься! — подмигнул я другу.

От его колебаний не осталось и следа, он тут же согласился. А я знай расхваливаю Мере, сестренку. Настоящая красавица, говорю, вся в меня, я-то парень хоть куда! А сам думаю: ведь прибьет он меня до смерти, когда увидит ее. Ей всего семь лет.

Подошел праздник, и мы с Джерри отправились в Ваитухи. Ехать было далеко, да и не выспался я накануне, настроение неважное, а тут еще Джерри пристал — все о Мере спрашивает.

— Красавица, говоришь? А какая она? Опиши.

Заладил одно и то же, мне совсем невмоготу стало, я и давай поддразнивать:

— Увидишь — закачаешься! Высокая... для своих лет. Но ниже тебя, конечно. Стройная. Ножки точеные, волосы до колен. В глазах — улыбка. А губки алые, так и просят: поцелуй!

— И что ж, у нее до сих пор нет парня?

— Пока нет.

Едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Но когда мы приехали в Ваитухи и Джерри увидел Мере, мне было уже не до смеха. Джерри страшно рассердился.

— Какой же я кретин! Нашел кому верить! Стройная, как же, ножки точеные, волосы до колен, куда там! Губки словно просят поцелуя, как бы не так!

— Тише, Джерри! Ну успокойся! Я же пошутил. Подожди! Остынь немного. Не уезжай. Послушай, вот двоюродная сестра у меня — что надо.

Но Джерри все не унимался, мол, дважды его не провести. Небось пожалел потом, когда убедился, что на этот раз я говорю чистую правду.

На следующий день мы пошли на хоккейное поле. Джерри на-чистил бутсы, надел гетры, шорты. Когда он увидел поле, у него глаза на лоб полезли.

— Это оно и есть?

— Совершенно верно.

— Но ведь это... ведь это обычный луг!

— Совершенно верно.

— Вон и коровы пасутся!

— Совершенно верно.

— Но ты же говорил о хоккейном поле!

— Совершенно верно.

— И тут я в дураках!— завопил Джерри.

— Совершенно верно,— успокоил я его.— Сам виноват. Раз-ве можно мне так доверять?

Я выждал, пока Джерри успокоится.

— Ничего, привыкай,— я похлопал его по плечу и начал зна-комить с бесчисленными родственниками, у него голова прямо кругом пошла.

К Общинному дому съезжались автобусы, останавливались под полотняным навесом. Праздник постепенно входил в свое русло. Прямо на лугу поставили палатку, и тетушка Энни при-нялась торговать лимонадом и леденцами. От ребятишек отбоя не было, а их там видимо-невидимо.

— Я — как белая ворона,— ныл разодетый Джерри, тоскли-во оглядывая пеструю толпу: люди приехали в резиновых сапо-гах, старых платьях, рваных свитерах, в тропических шлемах, мешковатых штанах.

— Белая ворона, белая ворона!— разозлился я.— Зато от девчонок отбоя не будет.

— Оно и видно,— горько усмехнулся он и повернул голо-ву — за ним по пятам бежали детишки, смеялись, показывали

пальцами. Но долго причитать ему не пришлось. Турнир начался.

Дедушка Кепа вышел на поле, отогнал подальше коров и объявил в мегафон, что открывается парад.

— Это еще что такое?— удивился Джерри.

— Перед матчами все команды пройдут вокруг поля и разыграют приз на самую красивую форму,— пояснил я.

— Опять издеваешься?

— Ничуть! Пошли!

Мы побежали туда, где стояла команда нашей деревни: отец, дядя Кепа, парень, по прозвищу Малый, и Хоне. С нами — шестеро. Не хватает еще пятерых.

— Сейчас Крекер объявится, он еще в пивной сидит. Да Фрэнк коров подоит и придет. Вот уже восемь, для парада хватит. Пошли, ребята!— И отец вывел нас на поле. Впереди шагали семь женских команд и три мужские. Женщины с восточного побережья были в спортивной форме, одна из мужских команд тоже, зато остальные...

— Надо же, вырядился как дурак,— шипел мне в затылок Джерри, когда мы проходили по полю.

Что ж, на общем фоне он и впрямь выглядел несколько экстравагантно. На голову выше всех, веснушчатый, рыжеволосый.

— Не расстраивайся, парень. Может, мы за твою форму еще и приз отхватим,— утешал его мой отец.

Мы все рассмеялись. Команды выстроились на поле, Джерри немного поостыл.

Дедушка Кепа и женщина из гостей должны были рассудить, чья форма красивее. Они быстро назвали победительницу среди женских команд, раздались аплодисменты, крики, кому-то пришлось по душе решение судей, кто-то остался недоволен.

— Ну и видок же у них!

— Вам просто подсудили! Подсудили!

— Как бы не так! Самим небось завидно!

Лучшую мужскую команду выбирали дольше. Дедушка Кепа прошелся вдоль рядов, придирчиво осмотрел единственную среди команд восточного побережья, приехавшую в форме. От его орлиного глаза не ускользнуло ничего. У одного спущены гетры,

у этого не заправлена футболка, у того нечищенные бутсы. Потом он и женщина-судья подошли к нам, нахмурились, покачали головой. Но тут увидели Джерри во всей красе. Дедушка Кепа посоветался с гостьей, потом указал на Джерри и объявил, что приз завоевала сборная Ваитухи.

В толпе захлопали в ладоши, закричали, приветствуя нас.

— Но ведь победить должны были те, что в хоккейной форме! — удивился Джерри.

— Они в прошлом году за это приз получили, — пояснил я. — Несправедливо же два года подряд одну и ту же команду награждать.

— Нет, тут причина другая, — сказал отец. — Разве ты не видел, как женщина-судья смотрела на Джерри? Ох, берегись, парень! Она из племени людоедов!

Но вот дедушка Кепа позвонил в колокольчик (он только что снял его с коровьей шеи) — турнир начинается. В первом матче играют две женские команды. Послушать этих женщин — с хохоту умрешь.

— Клюшки у всех есть?

— Нам не до клюшек! У нас игроков не хватает.

— Эй, Гуриа, оставь малышку, иди к нам, будешь левым крайним.

— А после кого крайним?

— А что, если бабушку Мараму позвать? Может, сыграет за нас? Ведь она хорошо играла.

— Да ей уж за шестьдесят!

— Ну и что! Поставим ее вратарем.

— А что это там за девчушка сидит на обочине? Зови-ка ее.

— Ты лучше расскажи, Кисси, как в этот хоккей играть.

— Неужели не умеешь? Эй, тетушка, как играть-то?

— Не бойся. Держи клюшку вот так и постарайся по мячу попасть, гони его к чужим воротам. Да к чужим, говорю, а не к нашим. Не попадешь по мячу, бей по ногам. Ясно? Проще простого!

А Джерри стоит — словно обухом по голове хватили. Только ахнул, когда обе команды на поле вышли. Кто и впрямь на игроков похож, другие — будто только с фермы (на самом деле так

оно и было). Тетушка Мэтти подвернула платье, чтобы удобней было, бабушка Марама одной рукой храбро хоккейную клюшку держит, а другой на обычную клюшку опирается, и Мере, сестренка, тоже играть вышла, хотя клюшка-то больше ее самой.

Пока Джерри ахал да охал, приехала Моана, моя двоюродная сестра, о которой я упомянул, когда он на меня из-за Мере рассердился.

Мы обнялись. Я очень люблю Моану, она не только лицом, но и душой красива. Взглянула на Джерри, смутилась и говорит: — Можно попросить у твоего друга клюшку?

И снова на него смотрит, а он на нее. Стоят и глаз друг с друга не сводят. Никогда не верил в любовь с первого взгляда, а тут смотрю — видно, тот самый случай.

— Вот, пожалуйста... Конечно... — Джерри прямо дар речи потерял. И протягивает Моане клюшку. Смотреть тошно!

Тут кто-то крикнул ей:

— Эй, проснись! Сейчас об игре надо думать, а не о парнях.

Моана улыбнулась и вышла на поле. Матч начался. Женщины играли выше всяких похвал, на высоте были и стратегия, и тактика, и находчивость.

Если мяч у соперницы, а тебе не дотянуться, швыряй в него клюшку.

Если ударишь и не попадешь по мячу, бей еще раз, чтобы соперниц разогнать, пусть под ногами не крутятся.

Если играешь в первый раз и к тебе случайно попал мяч, не бойся, бросайся прямо на него. Судья даст свисток и назначит свободный.

Если больно ударят, не хнычь. Запомни обидчицу и при случае дай сдачи.

Ну, теперь все ясно? В хоккей играть просто.

— Разве это хоккей? — в ужасе воскликнул Джерри. — Смотри, вон девушка стоит, явно «вне игры».

— Ничего, она из команды Ваитухи, а судит игру наш дедушка Кепа.

— Но так же нечестно!

— Честно. Та команда выиграла в прошлом году. Несправедливо же.

— Да, конечно,— вздохнул Джерри.— Два раза подряд выигрывать.

— Считай, что это еще цветочки. Женщины, что с них взять. Вот когда мы начнем играть...— Я рассмеялся, похлопал Джерри по спине.— Вначале всегда так. Это уж потом, когда лучшие команды остаются, идет настоящий хоккей. Хотя со стороны не так интересно смотреть. Неужели ты еще не понял? Конечно, игра важна, но ведь то, что мы собрались все вместе, это же еще важнее. Беседуем, шутим, смеемся. Такое удается раз или два в год. Может, теперь только в новом году увидимся. Поэтому когда все встречаются, то веселятся от души. Мы смеемся, когда турнир начинается, переругиваемся во время игр, плачем, когда матчи подходят к концу,— понимаешь, Джерри, здорово, что мы хоть редко, но собираемся вместе. Пусть это называется турнир, главное, что мы все съезжаемся, как одна большая семья... Так что не реви, если больно ударят.— И я кивнул в сторону Моаны — лицо счастливое, покраснелось. Она спорит со своей теткой, та играет за другую команду:

— Тетушка, зачем ты села на мяч, вставай, не то получишь клюшкой!

— Только попробуй, уж я тебе тогда всыплю, не посмотрю, что взрослая.

— Вставай, говорю!

— Только тронь, я твоей матери нажалуюсь. Вот даст судья свисток, тогда и встану.

— Тетушка! Ну миленькая, ну пожалуйста!

Тут Джерри взглянул на Моану, та засмотрелась на него. Тем временем тетушка воспользовалась моментом и протолкнула мяч в ворота.

— Гол!— закричал дедушка Кепа и дал свисток. А затем еще раз, значит, время игры истекло.

Кто из болельщиков радовался, а кто ругал игроков, началась обычная в таких случаях перебранка.

— Эй, судья! Им же еще пять минут играть!

— Ты им подсуживал!

— Гол неправильно засчитан. Я сам видел, она мяч руками забросила.

— Ослеп ты, что ли? Клюшкой протолкнула, уж я-то лучше видел. Просто вас завидки берут, что мы выиграли.

А Джерри и Моана словно и не слышали перебранки. Они глаз друг с друга не сводили, прямо как в кино.

— Спасибо за клюшку,— поблагодарила Моана.

— Ваша деревня выиграла?

— Да,— улыбнулась она.— Мы бы все равно выиграли, даже если б наша команда проиграла. Среди соперников мои тетушки.

Снова раздался свисток. Пора выходить мужчинам.

— Пошли скорее, Джерри!— позвал я.

— Если вам будет нужна моя клюшка... пожалуйста... берите,— смущенно предложил он Моане, и оба покраснели.

— Смотреть тошно!— Я схватил его за шиворот и оттащил в сторону.

— Как ты думаешь... я... понравился Моане? Какое прекрасное имя! Понравился, а?

— Вот что,— говорю,— мы сюда приехали в хоккей играть, а не за девушками бегать. Это ведь турнир!

И, рассмеявшись, мы пошли на поле.

Ребята с нижнего этажа

Одна квартира сдавалась наверху, другая — внизу. Ранги и Сюзан решили посмотреть верхнюю — «одна сп., б/меб., отд. вход, 5 минут до города, 29 в неделю».

— Неужто это здесь? — забеспокоилась Сюзан. Ранги поставил машину на обочине у дома, указанного в объявлении.

Унылое серое строение среди таких же домов, гармошкой прилепившихся друг к другу. Только более тощее и сжатое с боков, будто архитектор, обнаружив щель, нарочно втиснул туда еще одно. Честь и хвала его находчивости, но, увы, не самому дому. Узкие длинные окна, словно разинутые беззубые старческие рты. Сада уже не было и в помине, зато осталась кирпичная, вся в трещинах, стена. А на бетонном крыльце, на самом проходе, красовался выброшенный кем-то диван.

— Может, внутри получше, — предположил Ранги. — Во всяком случае, вряд ли хуже тех квартир, что мы видели.

Хозяин поджидал на крыльце. Он подошел к машине и как-то обреченно улыбнулся. Правда, увидев Ранги, он постарался согнать улыбку. Сурово поджал губы и заговорил нехотя, будто расставаясь с каждым словом, как с драгоценностью:

— Значит, вы и есть мистер и миссис Джонсон?

— Да.

— Значит, это вы звонили мне?

— Да.

— Хм-м. Значит, вы — служащий, а ваша жена библиотекарь?

— Совершенно верно.

— Просто я не думал, что... — хозяин запнулся. Но тут же в

глазах мелькнул лучик надежды.— Вы и впрямь состоите в браке?

Сюзан показала ему и свадебное кольцо и обручальное, сердито повертела ими у него перед носом.

— Ясно,— изрек хозяин, выгнул брови дугой, еще раз взглянул на кольца, потом — на машину. Сурово поджатые губы разомкнулись.

— Ну, думаю, теперь все в порядке. То есть можете осмотреть квартиру.

Преодолев диванную баррикаду, они взошли на крыльцо. Хозяин отпер дверь и вслед за Ранги и Сюзан вошел в дом.

С минуту те оторопело стояли в передней.

— Порядок, правда, здесь не ахти какой,— сказал хозяин,— не успел прибрать после прежних жильцов, между прочим, они съехали и даже не заплатили. Подмету, вытру пыль — все заблестит, засверкает, не узнаете квартиру. А раз у вас и мебель своя, так будете как у себя дома.

— Вы позволите пройти?— попросила Сюзан.

— Из этой квартиры конфетку можно сделать,— уже не так уверенно сказал хозяин и отступил. Мимо пирамиды коробок со всяким хламом — держалась она каким-то чудом — по грязно-голубому ковру Сюзан прошла к лестнице на второй этаж. Обои покрылись разводами плесени. На площадке Сюзан споткнулась. С громким стуком к ногам хозяина медленно скатилась пустая пивная бутылка. Сюзан хмыкнула.

Начало не предвещало ничего хорошего. Но внутри квартира оказалась на удивление чистой. Видно, все же сделали уборку, а весь мусор выгребли на лестничную площадку и смели вниз, в переднюю. Судя по всему, некогда на верхнем этаже находились три спальни и ванная. Потом одну из спален превратили в кухню-столовую, другую — в гостиную с балконом-солярием, а третья так и осталась спальней на двоих. Комнаты большие, отметил Ранги, застекленный солярий — тоже плюс, там просторно, Сюзан сможет поставить пианино. Он посмотрел на жену — глаза у нее радостно блестели. И впрямь из квартиры удастся сделать «конфетку». Ранги с хозяином шли за Сюзан, а она то хмыкала, то щелкала языком.

Стены покрашены в непристойно-желтый цвет, только на кухне и в гостиной еще остались полосатые — коричневые с зеленым — обои. Пол, как и полагается во всех «приличных» квартирах, устлан зеленым ковром, лишь в спальне остался большой квадрат голых досок.

— Поставите кровать — не видно будет,— предупредительно посоветовал хозяин.

Холодильник не работал, стирать нужно отдавать в местную прачечную,—«За пятьдесят центов вы получите три килограмма свежего белья и новых друзей!»— телефона не было, кран в ванной подтекал, в гостиной на потолке выступили пятна...

Сюзан еще раз хмыкнула, постучала по стенам, проверила, крепок ли пол, пощелкала выключателями, осмотрела плиту, каждый раз вздыхая и недовольно качая головой. На хозяина это производило должное впечатление. Сюзан умела производить «должное впечатление». Наконец она сказала:

— Нам нужно еще подумать.

Хозяин вышел на лестничную площадку, а супруги уединились в солярии, чтобы взвесить все «за» и «против». Конечно, квартира слишком дорога, но не слишком плохая, найти в Веллингтоне лучше ох как нелегко! С балкона открывается красивый вид, кухня вполне приличная, ну а стены можно перекрасить. Зеленый ковер не будет мозолить глаза, когда в комнате появится мебель, в конце концов прикроют половиками. Самое главное — неудобно так долго жить у друзей, на следующей неделе Ранги пойдет на работу, и жилье неподалеку от города пришлось бы кстати, так что...

— Если считаете, что слишком дорого, можно договориться,— вмешался хозяин.

Сюзан бросила взгляд на мужа — поторговаться она любила.

— Сколько вы просите?— спросила она.

— Двадцать девять долларов в неделю плюс аванс за полмесяца, плюс гарантийная расписка на пятьдесят долларов,— ответил он.

— Согласна на двадцать долларов, за полмесяца платим сейчас, никаких расписок, зато новые обои и покраска — за наш счет.

— Двадцать семь долларов! Платите только за неделю вперед, и расписку, так и быть, не возьму. Весь мусор сам уберу.

— Двадцать три доллара. Купим новый холодильник.

— Двадцать шесть! И без расписки!

— Двадцать четыре!

— Двадцать пять с половиной!

— Двадцать пять!

— По рукам!— хозяин с уважением посмотрел на Сюзан.

— Так и быть,— решила она,— мы снимем у вас квартиру.

— Не передумаете?— усомнился хозяин.

— Нет.

— А то многие соглашаются, а потом на попятный. Когда будете перебираться?

— Можно в субботу?— спросил Ранги.

Хозяин кивнул. Ранги заплатил за две недели вперед, взял ключи. Хозяин проводил их до машины.

— Уверен, в этой квартире вы заживете счастливо,— он пожал им руки и ушел.

Сюзан и Ранги долго смотрели ему вслед.

— Уж больно ты с ним круто,— сказал муж.— Скажи спасибо, что хоть такую квартиру нашли.

— Еще чего!— фыркнула Сюзан.— Пусть сам спасибо говорит, небось сразу увидел — приличные жильцы попались. Ему нас и благодарить.

Они сели в машину, оглянулись на зияющие пасти окон.

— Первым делом повешу шторы,— сказала Сюзан.— Не очень-то мне нравится, как хозяин на тебя косился.

В конце недели они переехали.

События первых дней вроде не предвещали счастливой жизни. У самых ворот сломался грузовик, доставивший их мебель из Гисборна; Ранги поранил руку, когда собирал кровать; засорилась труба в ванной; недалеко от них какой-то бандит напал на девушку среди бела дня — вломился прямо к ней в дом. Кроме того, хозяин забыл предупредить, что в нижней квартире живут ребята-австралийцы, а в тесной каморке у черного хода ютится старик пьяница.

Диван по-прежнему загораживал вход. Сюзан хоть и фыркала, но первое время приходилось чистить, убирать, приводить все в порядок в самой квартире и крыльцом было некогда заниматься. Она выскоблила кухонный пол, обтерла шкафы, прошла пылесосом по ковру, вымыла стены. Ранги расставил мебель и начал перекрашивать стены в передней. Без конца приходилось бегать в магазин на углу то за одним, то за другим: за метелкой для камина, за отверткой, зеркалом, половиками, шваброй, средством против блох — оказалось, без него не обойтись.

— Для ваших четвероногих друзей? — участливо спросил продавец.

— Да нет, ковры пересыпать да в буфете...

Продавец с ужасом отпрянул от Ранги, будто блохи вот-вот перекочуют к нему. Ранги удивился: его только что укусила блоха прямо в магазине. Весь их район кишмя кишел блохами, истосковавшимися по свежей добыче.

Еще больнее блох грызли сомнения: стоит ли здесь оставаться? Днем район казался вполне безобидным, тихим, даже respectable. Но с пяти часов вечера улица заполнялась машинами, люди сновали туда-сюда, у большой гостиницы на углу появлялись какие-то подозрительные субъекты.

Как-то Ранги задержался в бакалее. Вдруг почувствовал, что кто-то дышит ему в затылок, обернулся. Перед ним стояла внушительных габаритов амазонка в огненно-красном платье и нагло подмигивала подведенным глазом.

— Привет, крепыш, — прошелестела она.

А однажды вечером Сюзан пошла выносить мусор и услышала в темноте бормотанье и звяканье. Все ближе и ближе. Она изготовилась, чтобы применить свои познания в каратэ, но тут, к ее изумлению, перед ней возник старик. Он церемонно приподнял шляпу, прошел в свою каморку, включил свет и провозгласил:

— А вам, сударыня, я пожелаю доброй ночи!

Но этот пьянчужка был ангелом по сравнению с австралийцами, жившими внизу. Около полуночи там обычно поднимался гвалт, слышался смех, потом — прерывистое дыхание и знако-

мый испокон веков скрип кровати. Австралийцы прожили полмесяца, но ни Ранги, ни Сюзан так и не видели ни их самих, ни девиц, которых они водили.

Следующие жильцы — семья европейцев — тоже не показывались на глаза. Они готовили ароматную диковинную пищу, одевались в черное и вели себя предельно скромно. Эти продержались три недели.

Потом появилась юная особа, она сняла квартиру для себя и троих друзей, но те так и не объявились, и в один прекрасный день молодая особа необъяснимо быстро съехала. Впрочем, объяснение скоро принес полицейский.

— Давненько мы за ней да за ее дружками охотимся.

Надолго в их доме никто не задерживался. Люди приезжали, жили некоторое время и уезжали. Единственным напоминанием о них были письма — в почтовом ящике их скопилось немало и все на разные имена. «По этому адресу не проживает», «Адресат выбыл» — приходилось писать Сюзан на конвертах, которые доставляли в их квартиру.

Однажды поздно ночью заявила девушка, она искала какого-то Барри.

— Он мне нужен. Он очень мне нужен,— повторила она.— Он жил здесь. Он мне очень нужен...

Одни жильцы сменялись другими. С застекленного балкона-солярия супругам было видно, кто приезжает, кто съезжает. Порой казалось, что в этом калейдоскопе постоянны лишь блохи, одичавшие кошки, которые орал по ночам, да хозяин, приезжавший по субботам за деньгами. Друзья ужасались, узнав, в каком районе поселились Сюзан и Ранги, но те и не думали переезжать. Конечно, улица беспокойная, зато люди жили полнокровно, а не отгораживались от соседей шторами, из-за которых просачивался лишь голубой свет телевизионных экранов. Ранги и Сюзан переделали все в квартире на свой лад и были довольны. (Хозяин только тихо ахал, глядя на их мебель, на картины по стенам.) Улица-гармошка, скромная квартира, из окон которой виднелся лабиринт неоновых нитей — центр города,— их вполне устраивали. Единственное — не хватало приятелей, соседи часто меня-

лись, толком никого и не узнаешь. Но через три месяца все пошло по-новому — нижнюю квартиру сняли пятеро молодых людей.

Размещаться им пришлось в трех комнатах (по разумению хозяина — спальнях), одна из которых была не больше шкафа. Самую просторную занял юноша со своей подругой, во второй обосновались двое его приятелей, а второй девушке достался «шкаф». До этого квартира пустовала две недели, но как-то раз, возвращаясь с работы, Ранги заметил, что привычного дивана на крыльце нет — первый признак грядущих перемен.

— Куда ж он девался?— недоумевал он.— Неужели хозяин наконец отвез на свалку?

— Да что ты,— угрюмо ответила жена.— В нижнюю квартиру какие-то ребята въехали, похоже, твои соплеменники.

— Неужели?— улыбнулся Ранги.

— После обеда вселились. А мебели, видать, не хватает.

— Значит, тоже маори? Туго, должно быть, у хозяина с постояльцами. Ну, ничего. Хорошо хоть, что две недели в тишине да покое прожили.

И сразу же снизу донесся грохот. Тут же все смолкло. Потом заорало радио. Сюзан только хмыкнула.

— Может, пойдём познакомимся?— предложил Ранги.

Музыка заиграла еще громче.

— Дай им прийти в себя!— прокричала Сюзан.

Обедали они под песни «Роллинг стоунз», на десерт слушали Осибиса, убирать со стола им помогал ансамбль «Пинк Флойд». Иногда радио выло и трещало — настраивались на другую станцию. Когда настал черед мыть посуду, на лице Сюзан появилось столь знакомое недовольство.

— В конце концов, сколько это может продолжаться!— не выдержала она.

— Это они все еще в себя прийти не могут после переезда!— крикнул ей Ранги.

За час с лишним супруги успели познакомиться чуть ли не со всеми радиостанциями мира. Терпение у Сюзан лопнуло.

— Сейчас они живо придут в себя!

Она достала пластинку с увертюрой Чайковского «1812 год», поставила на проигрыватель, включила полную громкость, и в квартире загрохотали пушки, зазвонили колокола — в доме воцарился Лондонский симфонический оркестр. Дрожали стены, ходил ходуном пол. Радио внизу было не под силу выдержать такую конкуренцию. Пластинка кончилась, наступила мертвая тишина. Сюзан победоносно улыбнулась. Кажется, ребята внизу «намеки» поняли. Но недолго она упивалась победой. Вскоре с первого этажа вновь донеслась громкая музыка. Глаза у Сюзан гневно сверкнули, и Лондонский симфонический оркестр снова пошел в атаку. Минут пятнадцать длилась страшная какофония — враг не сдавался. Но Ранги не сомневался в исходе сражения. Никто и ничто не сможет тягаться в упрямстве с Сюзан. А мощный усилитель и качественные колонки не оставляли противнику никаких надежд.

Спустя полчаса — дом, казалось, вот-вот рухнет — первый этаж капитулировал. Радио сердито мяукнуло и замолкло.

— Первый раунд за нами! — усмеялась Сюзан и стала вместе с Ранги разбирать постель.

На следующее утро — часов в пять-шесть, Ранги точно не помнил — радио безжалостно ворвалось в их сон. Сюзан подбежала к окну и сердито закричала. Радио смолкло — его сменил хор веселых голосов:

— С добрым утром!

Сюзан едва смогла сдержать улыбку.

— Кажется, пришли в себя наконец. — И она поудобнее устроилась подле Ранги.

В то утро радиовойна навсегда закончилась перемирием. Если и случалось, что музыка внизу играла слишком громко, то достаточно было ребятам услышать вступление к увертюре (опять эти чертовы пушки палят, говорили они), как музыка становилась тише, а то и вовсе смолкала — куда лучше!

На следующий день, придя домой с работы, Ранги не застал жену дома. По магазинам пошла, сегодня пятница, подумал он. Тут в дверь постучали. Он открыл — с лестницы на него смотрели густые усы и борода.

— Привет, брат!— сказали усы.

— Киа ора, привет,— ответил Ранги.

— Меня зовут Коро. Что, небось хозяйку потерял? Она там, у нас.

— Да ну?— усмехнулся Ранги.— Мы как раз вечером собирались зайти к вам, познакомиться. Опередела меня жена.

Они с Коро пожали друг другу руки, спустились вниз. Сюзан ползала на четвереньках по кухне и вместе с девушками скоблила пол.

— Здравствуй, дорогой!— и подставила мужу щеку для поцелуя.

Девушки, прикрыв рот ладонками, хихикали.

— Это — Тельма, а это — Роза,— представила Сюзан.— Мы вместе ходили по магазинам, а потом я решила помочь им прибраться в квартире. Здесь ужас что творилось. Грязища невообразимая.

Девушки снова захихикали, а Коро, выпучив глаза, крикнул Розе:

— Эх ты, смотри — грязь оставила!— и показал на пятно. Роза шутливо плеснула в Коро водой, он отпрянул, заслонившись руками, девушки и Сюзан засмеялись. Ранги прошел вслед за Коро в комнату — там стоял старый диван. Двое других парней тоже занимались уборкой — один мыл окна, второй — стены.

— Никак за дело взялись,— похвалил Ранги.

— С вашей женой поневоле возьмешься,— ответил один.

— Точно рабов нас запрягла,— буркнул другой.

Ранги усмехнулся. Верно — Сюзан это умеет. Он подмигнул Кору — тот заговорщицки смотрел на него.

— Хочешь пива, брат?— И, не дожидаясь ответа, достал из ящика около дивана бутылку, откупорил зубами.

— Передохните малость, ребята,— сказал он.

Ранги устроился на полу. Кору познакомил его со своими друзьями. Одного звали Джонни-Мэк, второго — Самбо. Завязался разговор. Подошли девушки и Сюзан. Она уперлась руками в бока и хмыкнула.

— Хорошо же вы устроились!

Девушки снова захихикали.

— С такой женой не соскучишься,— шепнул Джонни-Мэк. Ребята подвинулись, девушки и Сюзан сели рядом.

Мебели у новых жильцов не было, спали они на матрацах прямо на полу, но вот приведут квартиру в порядок — станет уютно. Двадцатилетний Коро — старший и по возрасту и по положению. Они с Розой собирались пожениться, не сейчас, правда, а со временем. Тельма, невысокая плотная девушка, оказалась сестрой Розы, она носила длинные свободные платья, скрывавшие полноту. Джонни-Мэк и Самбо были просто приятели. Раньше вся пятерка снимала квартиру на улице Аро.

— Вышвырнули нас оттуда. Дом на снос — шоссе будут прокладывать.

Долго мыкались они в поисках квартиры, поэтому были рады, что обосновались здесь.

— Роза десятки хозяев обзвонила,— рассказывал Самбо.— Умеет она с людьми разговаривать, верно?

— Да, а стоило мне имя назвать, сразу оказывалось, что все квартиры уже сданы. Враки, конечно,— добавила та.

— Не любят хозяева маорийцев,— сказал Коро.

— Я как-то с этим не сталкивался,— пожал плечами Ранги.

— Не обижайся, брат, но фамилия-то у тебя, как у пакеха, у белого.— Коро взглянул на него, словно оправдываясь.— А это уже козырь, когда квартиру ищешь.

— Какая несправедливость!— воскликнула Сюзан.

— Было бы из-за чего беспокоиться!— засмеялся Коро.— Сейчас квартира есть, и слава богу.

Хозяин брал с них тридцать пять долларов в неделю. Они заплатили за две недели вперед и еще на семьдесят долларов дали гарантийную расписку. И теперь сидели без гроша. Правда, Тельма работала на швейной фабрике (сама себя обшиваю, с гордостью говорила она), Роза устроилась в продовольственный магазин, а Самбо — в булочную. Коро и Джонни-Мэк вот уже две недели не работали, но собирались подрядиться на стройку. Сюзан только руками всплеснула.

— На что же вы жить-то будете?

— Хватило б на квартиру, и то ладно,— ответил Коро.

— А потом, когда придут счета за свет, газ, продукты? А вам же еще и кровати, и стол со стульями надо купить.

— А это чем не кровать?— показал Джонни-Мэк на старый диван.— Тельма сошьет чехол — как новенький будет.

Сюзан лишь с сомнением покачала головой.

— Ну, допустим...— начала она.— А швейная машина-то у тебя, Тельма, есть?

— Купим,— ответила девушка.

Сюзан посмотрела на мужа и снова покачала головой.

— Все у нас будет,— пообещал Коро.

— Главное, радио уже есть,— не упустила случая Сюзан.

Ребята рассмеялись. Роза позвала соседей посмотреть остальные комнаты. Сюзан приуныла — еще хуже, чем у них наверху когда-то было. Она внимательно слушала девушек, те наперебой рассказывали, как украсят каждую комнату.

— Не все сразу,— охладила она их пыл,— денег не хватит.

— Что под рукой есть — тем и обойдемся пока,— предложила Роза и показала яркие плакаты, пустые бутылки, зеркало в раме с орнаментом из роз, дешевые побрякушки. Все это, по ее мнению, должно было создать в квартире уют.

— Подождите, придете в следующий раз — не узнаете нашей квартиры!— и Тельма гордо вскинула голову.

Сюзан хмыкнула. Ранги взглянул на часы, потом на жену — пора бы и честь знать. Он пригласил ребят в гости. Они засмутились. Коро сказал, что сейчас некогда — нужно в магазин за рыбой и картошкой на ужин. Роза и Тельма колебались.

— Ну хотя бы на чашку кофе загляните,— предложила Сюзан.

Девушки смущенно захихикали, ишь — кофе! Поблагодарили — ну, разве что на минуточку — и поднялись за супругами по лестнице. Ранги извинился и пошел переодеваться. Из спальни он слышал, как Роза с Тельмой перешептываются, обсуждая квартиру. Когда он вышел, они разглядывали репродукции картин на стенах, трогали дорогие безделушки, боязливо ступая по ковру. Сюзан принесла на подносе кофе, девушки смутились,— как вести себя в подобных случаях?—

чинно сели, держа чашки обеими руками на коленях.

— Хорошая у вас квартира,— похвалила Роза.

— Счастье, что не мы тут живем, а то все перебили бы,— вздохнула Тельма. Они пили кофе и оглядывали комнату. Сюзан чувствовала, что девушек сковывает непривычная обстановка, и пыталась их растормошить. Но они допили кофе и стали прощаться.

— Что ж, не стану задерживать,— вздохнула Сюзан.— Может, возьмете что-нибудь из утвари на первое время?

— У нас все есть,— сказала Роза.

— Если что понадобится — приходите. В любое время. Девушки поблагодарили и заспешили к двери. Но внизу, у выхода, робость как рукой сняло.

— Ну, до скорого! — и дверь за ними закрылась.

— Не узнаю тебя — с чего это ты им наши вещи предлагала? — удивился Ранги.

— А что поделаешь? У них же и впрямь хоть шаром покати. Наладится, конечно, со временем.

— Смотри, по-моему, ты поступила опрометчиво.

— Но они же ничего не взяли.

— До поры до времени...

— Да ну тебя,— отмахнулась Сюзан и пошла наверх. На лестничной площадке она задержалась.— Что же их смутило?

— Вроде ничего.

— Как сказать. Не очень-то уютно они себя чувствовали. Будем надеяться, еще придут.— И она занялась обедом.

И впрямь, девушки иногда забегали к ним, но с большей охотой принимали Ранги и Сюзан у себя.

К концу месяца ребята вроде окончательно освоились. Каждое утро около пяти поднимался Самбо и, проклиная судьбу, шел в булочную. К семи вставала Тельма и, топая как слон, бежала в туалет. (До чего ж она грубая и неуклюжая, думала Сюзан.) Роза, если ей выпадала утренняя смена, вставала в это же время.

— Нельзя ли побыстрее? — орала она, если сестра задерживалась слишком долго.

Сюзан и Ранги тоже собирались на работу. Часто они выходили на улицу вместе с девушками. Глаза у тех слипались, ноги подкашивались.

— Да чего ж неохота в такую рань подниматься!— жаловалась Роза и бросала испепеляющий взгляд на зашторенное окно.— Коро! Джонни-Мэк! Чтоб сегодня же работу нашли!— Но окно упорно отмалчивалось. Часто, уже возвращаясь с работы, Ранги видел Джонни-Мэка. Тот сидел на подоконнике, бренчал на гитаре и подпевал радио.

— Что, и сегодня неудача?— спрашивал Ранги.

Джонни-Мэк, не переставая петь, лишь улыбался. Вообще-то их с Коро лентяями не назовешь. Скорее всего, они просто боялись ходить и просить работу. Непонятно, чем они занимались целыми днями, разве что девушки оставляли им денег на кружку пива или партию в бильярд.

Однажды Ранги увидел, как парни слонялись по Кубинской аллее. «Дружков поджидаем»,— объяснили они ему.

Случалось ему видеть, как, устроившись на крыльце, они едят моллюсков. Нырjali в бухте, вот и поймали. Ранги с тревогой предупредил ребят, что вода в бухте отравлена всякими отходами.

— Да там ныряльщиков человек сто!— успокоил его Коро.

— Попробуйте — пальчики оближете!— предложил Джонни-Мэк.

— Было б о чем беспокоиться!— засмеялся Коро.

И в этих словах — вся житейская философия ребят. Когда Роза или Тельма опаздывали на работу, это их мало трогало. Когда Самбо бывало лень идти в булочную, он без колебаний оставался дома и спал. Ничто в жизни их не волновало по-настоящему.

Они взяли напрокат телевизор. Несколько дней подряд не отрываясь смотрели все передачи, потом надоело. Вскопали землю за домом, задумали посадить деревья, но интерес вдруг пропал. Накупили краски — решили перекрасить стены,— начали одну и бросили.

— Сколько работы — замучаешься. А нам и повеселиться охота.

И мечты об уютной квартире развеялись как дым. Тут-то и сбылись опасения Ранги. Брат, не одолжишь ли матрац? Не найдется ли у вас кастрюль? А ножей? А вилок? А одеяла?

— Я-то думала, они со временем все купят,— оправдывалась Сюзан.

— Помнишь, я тебя предупреждал?

Старый диван все дожидался нового чехла. Сюзан, узнав, что материал у Тельмы есть, предложила ей швейную машину.

— Спасибо, не стоит. Меня и так от шитья тошнит. Да и некогда сегодня.

И так всю неделю. А в субботу, на ночь глядя, бегут смотреть удлиненную программу фильмов ужасов.

— Пойдемте с нами,— звали они и Ранги с Сюзан.— Сегодня два фильма о Дракуле.

— Мы уж дома посидим, одни, без Дракулы,— отшучивался Ранги.

— Все дома да дома. Неужто не надоело?— удивлялись ребята.

Изредка по выходным они ходили в пивную, потом приводили домой приятелей. Сюзан и Ранги быстро смекнули, что в такие дни им дома лучше не сидеть. А то ребята непременно затащат к себе на вечеринку.

— Я смотрю, ты что-то подобрела,— заметил как-то Ранги.— Не кричишь на ребят, и шум, видать, тебе уже не мешает.

— Славные они, добрые. Но вот посмотришь, если завтра проспят, я с ними церемониться не буду...

И на следующее утро ребят будила канонада. После каждой вечеринки «чертовы пушки» стали шуточной побудкой.

— Сдаемся, сдаемся,— кричали снизу. И Сюзан снимала пластинку. К шумным сборищам она почти привыкла. К тому же нет худа без добра — на следующий день в доме тишина. Внизу спали как убитые.

Однажды хозяин позволил себе какое-то замечание в адрес ребят.

— Зачем же тогда квартиру им сдали, раз они такие?— бросила Сюзан и захлопнула у него перед носом дверь. Она и впрямь привязалась к ребятам, хотя спуску им не давала. Нужна

была помощь в их неустроенной и безалаберной жизни. И Сюзан помогала: заводила им счета в банке, но ими не пользовались, приносила книги, но их не читали, давала советы, но их не слушали.

— Было б о чем беспокоиться! — неизменно слышала она.

— Похоже, их не переделать! — жаловалась она мужу.

Он лишь улыбался — разве жена отступит? А зачем их переделывать, живут себе, не тужат. Так ребята и жили — не тужили почти два месяца.

Беды приходили, накапливались исподволь. Как трещины в свежем подсыхающем цементе — все шире, все глубже.

Раз, подходя к дому, Ранги увидел Самбо, Коро и Джонни-Мэка. Они грелись на солнце, читали комиксы.

— Везет же некоторым, — заговорил с ними Ранги. — Что-то рано освободился сегодня, Самбо.

Тот лишь повел плечом и перевернул страницу. За него ответил Коро:

— Самбо у нас теперь свободен как птица. Куда хочу, туда лечу, верно, Самбо? — Он подтолкнул Джонни-Мэка, и тот рассмеялся. Самбо тоже не утерпел — улыбнулся. И что смешного они в этом нашли?

— Надоело мне там, — сказал он. — Весь в муке, ходишь белый, словно пакеха.

На этот раз и Ранги рассмеялся вместе с ними, а поднявшись к себе наверх, задумался.

— Добрый день, дорогая, — он обнял жену, поцеловал. — А Самбо сегодня рассчитали.

— Вот как!

— И Коро с Джонни-Мэком, по-моему, работы так и не нашли.

— Найдут они, как же! Разучились небось работать.

— Похоже, так и будут на шее у Розы с Тельмой сидеть. А ведь Тельма шитьем много не зарабатывает.

— Пусть меньше тратят, — пожалала плечами Сюзан. — Или пусть мальчишки идут работать. Чем скорее, тем лучше. — Но ее совету никто не внял. Тратить ребята меньше не стали, а о

работе и не думали. По-прежнему часто ходили в кино, в пивную, по-прежнему устраивали вечеринки по воскресеньям.

— Ну, как вам теперь живется?— спросил на одной из них Ранги.

— Прекрасно,— ответил Джонни-Мэк.

— Денег хватает?

— Хватает,— хихикнула Роза,— правда, хозяин обнаглел совсем. Ему, видите ли, за прошлую неделю не заплатили. Теперь на этой целых семьдесят долларов придется выложить.

Ранги разыскал Коро.

— Послушай, можно ведь экономить хотя бы на выпивке. Будет чем за квартиру заплатить.

— Ну и шутки у тебя, брат!— воззрился на него Коро, даже не поняв совета.

— Откуда ж тогда деньги?— спросил Ранги.

— Девчонки заработают. Было б о чем беспокоиться!

И правда, денег за квартиру в конце недели хватило. Но на прочие расходы осталось лишь несколько долларов.

— На хлеб с маслом хватит,— пошутил Самбо.

— А по счетам кто будет платить?

— Подождут,— ответил Коро.— Продукты нам еще дадут в кредит, а на оставшиеся деньги лучше в кино сходить.

Сюзан и Ранги молча переглянулись.

Две недели ребята кое-как перебивались, на третью долги крепко прижали. Стало труднее жить — упало и настроение.

— Слушай, Коро,— начал как-то Ранги,— нельзя же все время у девушки на шее сидеть. Кто-то из вас должен работать.

— Было б о чем беспокоиться!

Но Ранги видел — беспечность у Коро напускная. Нет денег — нет и развлечений. Чаще приходится сидеть дома, реже вечеринки. Целыми днями парни слонялись по квартире, скучные и злые. Но наступала пятница, девушки получали жалованье, появлялись деньги, ящики с пивом.

Не прошло и месяца, а они снова задолжали хозяину. Сюзан слышала, как тот кричал на них, а когда ушел, к ней постучали.

— Здравсьте!— на пороге стоял Коро.— У нас сейчас с деньгами туго. Не одолжите пятерку?

Сюзан понимающе кивнула и дала ему пять долларов. В тот вечер ребята пошли в кино. А Сюзан была вне себя.

— Я-то думала, им есть нечего,— объясняла она Ранги.

— Он тебе этого не говорил,— ответил муж.

— Нет, но все-таки... Эх, видно, их не переделать.

В ту ночь их разбудили громкие голоса. Внизу ссорились. По всей видимости, Тельма и Самбо. Ранги прислушался. Похоже, начиналась драка. Вот Тельма вскрикнула.

— Пойди узнай, в чем там дело,— попросила Сюзан.

Ранги надел халат, спустился вниз, постучал. Дверь открыл Джонни-Мэк.

— Вам-то чего? Сами как-нибудь разберемся.

Утром к Ранги и Сюзан пришла Тельма. Под глазом синяк, губа разбита. Она попросила разрешения позвонить.

— Уезжаю,— сообщила она.— Хватит. Надоели они мне до смерти! Только и знают деньги тянут, мне на себя-то не хватает.

— Куда ж ты поедешь?— спросила Сюзан.

— К тетке. Она в Таита живет.— Тельма вызвала такси и попросила Сюзан: — Проводите меня, а то они знают, что я уезжать собралась, снова изобьют.

Сюзан позвала мужа, и все втроем спустились на первый этаж. Постучали. За дверью — тишина. Подергали ручку — заперто. Тельма заплакала.

— Да что они, спят, что ли?— не выдержала Сюзан и забарабанила в дверь. В комнате заголосило радио.

Подошло такси.

— За вещами приедешь на той неделе,— посоветовал Ранги. Дал ей денег на такси, на прощанье они с Сюзан поцеловали девушку. Шторы на окнах первого этажа были задернуты, за ними смутно вырисовывались силуэты ребят.

В тот вечер вся четверка отправилась в пивную. Вернулись хмельные, включили радио, стали колотить по стенам, бить щеткой в потолок. Сюзан очень огорчилась.

— Так они себя еще не вели! В чем же дело?

— Может, мстят за то, что мы помогли Тельме уехать? Ну что, поставить пластинку?

— Не нужно,— прошептала жена,— раньше, кажется, все

было в шутку, а теперь всерьез.

Несколько дней они не видели ребят. Потом приехала за вещами Тельма. Ранги и Сюзан видели, как на прощанье Роза обняла ее, а парни расцеловали. Видно, помирились.

— Пора обедать,— позвала мужа Сюзан. Они молча сидели за обеденным столом. В дверь постучали. В прихожей, смущенно потупившись, стояли Коро, Роза, Джонни-Мэк и Самбо.

— Привет, брат, привет, хозяйка.

— Здравствуй, Коро.

— Пойдемте к нам, посидим, выпьем. Тельма уехала, ну и мы решили податься кто куда.

— Уезжаете?

— Да, все. Завтра. Вот и пришли попрощаться.

Сюзан положила свою руку на руку мужа. Помолчали.

— Извините, если донимали вас очень последние дни. Ссорились частенько.

— Пустяки, мы все отлично понимаем.

— Так выпьете с нами?— спросила Роза.

— С удовольствием,— согласилась Сюзан.

Получилась маленькая вечеринка: второй этаж прощался с первым. С тех пор как ребята въехали, их квартира не изменилась. Голые стены, матрацы на полу. Сюзан хотелось как следует напиться, но никак не получалось. Джонни-Мэк играл на гитаре, Самбо пел, Роза устроилась рядом с Коро, положив голову ему на колени. Сюзан попробовала танцевать хулу, но вышло у нее очень неуклюже.

— Слишком уж стараешься,— улыбнулся Ранги.

Открыли последнюю бутылку, выпили, помолчали.

— Пора идти спать,— сказал Ранги.

— Давай еще немного посидим,— попросила Сюзан.

— Захмелеешь, начнешь со всеми целоваться, знаю я тебя,— пошутил Ранги.

Ребята засмеялись.

— Жена у тебя, брат, что надо,— похвалил Коро. Ранги согласно кивнул.

— А хозяин знает, что вы уезжаете?

— Нет.

— Может, следовало бы предупредить?

— Зачем? Мы с ним рассчитались, а долговая расписка все издержки покроет.

Ничему-то они не научились, беспечные. «Было б из-за чего беспокоиться!»— вот их главный принцип. Отмахнуться, уйти от всех забот, оставив за собой неоплаченные счета, нарушенные договоры, начать жизнь заново, пока другие заботы не погонят дальше.

Ранги вздохнул, взял жену под руку.

— Вот что, брат,— Коро замылся,— еще одна просьба. Не одолжишь ли немного денег? А то мы без гроша.

Ранги дал ему двадцать пять долларов, хотя понимал: дает он их безвозвратно.

— Попрощаемся утром,— сказал он.

— Да, утром,— сонно повторила Сюзан.— Я буду скучать без вас, ребята. А почему, и сама не знаю.

Она прислонилась к Коро, и оказалось, что все они стоят в ряд, обняв друг друга,— Сюзан, Коро, Ранги, Роза, Самбо и Джонни-Мэк.

Дома Ранги уложил жену спать и лег сам. А утром, когда они проснулись, ребята уже съехали. Сюзан и Ранги спустились, чтобы забрать свои вещи, одолженные ребятам. На матрацах — подпалины от сигарет, кастрюли закопчены дочерна, ножей и вилок не доставало.

— Ну, это уж слишком!— возмущалась Сюзан.

Они заперли входную дверь и оставили ключ в замочной скважине.

Через неделю поздно вечером приехал хозяин.

— Надо бы рассказать ему про ребят,— решила Сюзан.

Узнав, что они съехали, тот пришел в ярость.

— И зачем только я, дурак, с ними связался! Хоть полицию вызывай!

— Это еще к чему?— удивилась Сюзан.

— Да вы только взгляните на квартиру!

— Какой была, такой и осталась,— сердито бросила Сюзан.— Уж я-то знаю, сама помогала им пол скоблить.

— Они мне за две недели задолжали!— не унимался хозяин.

— Но они же задаток внесли, да и по долговой расписке заплатили, так что вы не в убытке.

— Не в этом дело!

Ранги видел: терпение у Сюзан вот-вот лопнет.

— Успокойся, в конце концов это не наша забота,— сказал он жене и тут же услышал, как хозяин за спиной пробубнил:

— Ни за что больше квартиру маорийцам не сдам.

Ранги не поверил ушам. Сюзан вся напряглась.

— Простите, что вы сказали?

— То, что с ними лучше не связываться. Дрянь, а не люди.

— Как же так?— вмешался Ранги.— Ведь я тоже маори. Хозяин остолбенело уставился на него, разинув рот, красный как рак, потом часто заморгал.

— Ну, вы — другое дело,— он заискивающе улыбнулся.— Вы женаты на миссис Джонсон.

Ранги расхохотался, но в душе вскипела ярость.

Содержание

- 5 *А. Петриковская. Мир маори.*
- 12 В поисках Изумрудного города
- 18 Как околдовали миссис Джоунз
- 34 Морской конек и риф
- 39 Родословная
- 48 Золотая дорога удачи
- 54 Эскалатор
- 60 Вдогонку
- 77 Братья
- 88 «Я, Озимандиас...»
- 98 Турнир начинается
- 106 Ребята с нижнего этажа

ВИТИ ИХИМАЭРА
В ПОИСКАХ ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА

Ответственный за выпуск

В. Перехватов

Редактор *А. Николаевская*

Обложка художника *Н. Яцука*

Художественный редактор

Л. Филиппова

Технические редакторы *Н. Толстякова,*

Е. Медведева

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 718

Сдано в набор 2.03.82. Подписано в печать
28.07.82. Формат 70×100/32. Бумага офсет-
ная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,2. Уч.-изд. л. 6,08. Тираж 50000 экз.
Зак. № 258. Цена 70 коп.

Издательство «Известия Советов народных
депутатов СССР». 103791, Москва, Пушкинская
пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 143200,
г. Можайск, ул. Мира, 93.

**В библиотеке журнала
«Иностранная литература»
в течение 1982—1983 гг.
среди других книг
предполагается выпустить следующие:**

Ясуки Иноуэ (Япония) — ТРИ НОВЕЛЛЫ
Леонардо Шаша (Италия) — ПАЛЕРМСКИЕ
УБИЙЦЫ
Герман Кант (ГДР) — ОБЪЯСНИМОЕ ЧУДО
Вити Ихимаэра (Новая Зеландия) — В ПОИСКАХ
ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА
Хоакин Сантане (Куба) — ВОСПОМИНАНИЯ О
УЛИЦЕ МАГНОЛИИ
Надин Гордимер (ЮАР) — ДОМ ИНКАЛАМУ
Рэй Брэдбери (США) — В ДНИ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ
Эржебет Галгоци (Венгрия) — ВДОВА СЕЛА
Юхан Борген (Норвегия) — ДЕКАБРЬСКОЕ
СОЛНЦЕ
Джеймс Джойс (Ирландия) — ДУБЛИНЦЫ
Сид Чаплин (Великобритания) — ТОСКИЙ ШОУ
Армандо Роблес Годой (Перу) — В СЕЛВЕ НЕ
ЗВЕЗД

ВИТИ ИХИМАЭРА

(родился в 1944 году)

сравнительно недавно начал писать, но его перу уже принадлежит несколько книг.

Первый сборник рассказов "Поунаму, поунаму" вышел в 1972 году, когда он был еще студентом.

Новозеландского писателя волнует проблема сохранения маорийского культурно-исторического наследия, того, что подразумевается под понятием "маоританга".

Его книги — звенья единого цикла со сквозными сюжетными линиями, с постоянным кругом персонажей. "Поунаму, поунаму" вместе с романами "Танги" и "Ванау" входит в трилогию из сельской жизни, а сборник "Новая сеть идет на ловлю" открывает еще не завершенную трилогию из жизни городской.